



Т
акая
СЛАДКАЯ И ЛЮБИМАЯ
МАША МОРАН

18+

Маша Моран

Гадкая, сладкая и любимая

«Автор»

2023

Моран М.

Гадкая, сладкая и любимая / М. Моран — «Автор», 2023

Бабка Корделии слыла коварной ведьмой. Она построила пряничный домик и едва не съела маленького Гензеля. Мать Корделии вырывала сердца мужчин, совращала юношей и очаровывала их своей красотой. Корделия же печет пирожные, булочки и кексы. Ее обманул возлюбленный. Она осталась без гроша в кармане. У нее отобрали лавку. Теперь она одна-одинешенька. Но даже одна маленькая зефирка может поставить на колени весь мир! Черные колдуньи никогда не сдаются. Они мстят врагам, насылают на них страшные проклятия и, конечно же, получают самых лучших мужчин!

© Моран М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог. Отличный день для гадостей и сладостей	5
Глава 1. Сладость или гадость	6
Глава 2. Сырная булочка для старшего братца	12
Глава 3. Охота на взрослого мальчишку	16
Глава 4. Жаба, гриб и змей	23
Глава 5. Незнакомец в подарок	28
Глава 6. Обещание предков	33
Глава 7. Гримуар-двойник и снова мерзкий гриб	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Маша Моран

Гадкая, сладкая и любимая

Пролог. Отличный день для гадостей и сладостей

В такой чудесный осенний денек грех – не совершить какую-нибудь пакость!

Эта мысль прочно обосновалась в голове и никак не уходить.

Прищурившись, Корделия смотрела на то, как мужчина, который еще несколько недель назад клялся ей в любви, сейчас вел невесту на поклон к старшим в роду.

Итак, ее не просто обманули. Ее использовали, над ней посмеялись, а затем растоптали и выбросили, как ненужную старую вещь.

Несколько дней Корделия провела в рыданиях. Она не ела, не пила и лишь изредка забывалась беспокойным сном, в который впадала от истощения и отчаяния.

И если бы не безвыходное положение, в котором она оказалась, одним только богам известно, сколько бы она так прорыдала. Возможно, ее бы уже не было в живых.

«Глупости! – Сказала бы ее бабушка, махнув высохшей рукой. – Никто еще не умирал от разбитого сердца! Если, конечно же, ты не решишь его вырвать из своего врага. Но представь, сколько времени ты потом будешь отмывать кровь! Старое-доброе заклинание на понос еще никогда не подводило.»

Но сегодня Корделия осмелилась на кое-что другое. Она посмотрела на поднос, наполненный сладостями, который держала в руках. От воздушных пирожных, булочек и шоколадных маффинов исходил самый чарующий аромат, какой можно было только представить.

Еще бы! На ингредиентах Корделия не экономила. Она собрала последние деньги, которые у нее были, чтобы купить у хитрых фейри муку, шоколад и росу, собранную с диких роз, которые растут только в их лесах.

И все ради одного-единственного человека.

Корделия снова взглянула на свадебное торжество. Но на этот раз она искала не своего бывшего возлюбленного, а кое-кого другого.

И кажется, нашла... Единственным, кто сидит рядом с родителями жениха, не может быть никто иной, как первый, и главный, наследник рода. Ее сегодняшняя цель.

Корделия прищурилась так сильно, что почти закрыла глаза, но это не помогло разглядеть старшего сына самого богатого и уважаемого клана страны. Все, что она могла видеть, – кутающуюся в толстые одеяла хрупкую фигурку, сидящую в инвалидном кресле, да седовласую макушку, торчащую из вороха одежд. Поговаривали, что хоть ему всего двадцать пять, но он уже полностью сед. Одни сплетники утверждали, что это от того, что в роду его матери, были фейри, и их кровь решила проявиться именно сейчас. Другие с ними спорили: нет, это от неведомой хвори, которая еще в детстве сразила наследника клана Агнаман.

Корделию мало интересовали причины его седины. Главное, что он был слаб и болен. А значит, наиболее уязвим для ее колдовства.

Расправив плечи и прижав к груди свое самое ценное на данный момент имущество – поднос со сладостями, Корделия шагнула вперед. Разыгравшийся осенний ветер норовил сорвать массивную остроконечную шляпу, украшенную игрушечными зефиринками.

Кулинарная ведьма, правнучка великой колдуньи, почти съевшей мерзкого мальчишку Гензеля, отправлялась мстить!

Глава 1. Сладость или гадость

Каблуки массивных туфель проваливались в нагретую солнцем землю. Словно пытались задержать Корделию.

Сердце, подобно огромной птице, пойманной и посаженной в клетку из ребер, тревожно билось в груди. Как и птица, на чьих внутренностях гадали черные ведьмы, сердце Корделии предчувствовало беду.

Еще не поздно остановиться. Еще не поздно повернуть назад и вернуться в свою лавку. Она придумает, что делать. В конце концов, она наследница одного из сильнейших ведьминских ковен. Она знает сотни рецептов зелий и тысячу заклинаний. Она может испечь пирог, который принесет уютную смерть. Она может сварить глинтвейн, который украдет волю. Суп, который она приготовит, превратит любящих во врагов, а подогретое ею молоко лишит сна.

Но все это бессмысленно, потому что у нее не осталось ни ингредиентов, ни денег, ни даже бабушкиного гримуара. А все из-за мерзавца, который сейчас с довольным видом обнимал обряженную в пышные одежды невесту.

Корделия беспрепятственно миновала массивные ворота и пошла через украшенное к свадьбе поле.

Когда до навеса перед огромным особняком оставалось несколько десятков шагов, ее заметили.

Гости оборачивались ей вслед, восторженный и радостный смех стихал, и за спиной, подобно морской волне, рождался шум шепотков.

Еще бы! Черная ведьма на свадьбе. Где такое видано!

Черные ведьмы соблюдали закон – лишь так они могли спокойно жить среди людей и заниматься своими делами. Явиться на свадьбу черная ведьма могла лишь по личному приглашению одного из членов семей, решивших породниться. Но о случаях, когда кто-то желал видеть на таком счастливом торжестве вестницу бед и несчастий, не было известно даже досужим сплетникам.

Что ж, сегодня все изменится.

Корделия гордо миновала сбившихся в трясущиеся группки гостей, очаровательно улынулась пухлому малышу, широко раскрытыми глазами разглядывающему ее шляпу и сосущему большой палец, и поравнялась с женихом и невестой.

Нейде смотрел на нее взглядом, полным одновременно страха и лютого презрения. Во взгляде же его прекрасной невесты плескались удивление и подступающие слезы.

Корделия улыбнулась еще шире и поклонилась:

– Благодарю за приглашение, господин Нейде. Вы прислали их столько, что я не могла отказать. Чтобы дурные предзнаменования не омрачали вашу свадьбу, я принесла особые подарки. – Корделия снова поклонилась. Ветер набросился на ее длинное черное платье и широкий белый воротник, скрывающий плечи. Наверняка она сейчас напоминала опасную хищную птицу, кружащую над своей добычей. – Вот, госпожа невеста. Отведайте этот пряник с леденцами. Он зачарован особым способом: укусите лишь кусочек и в скором времени подадите клану Агнаман наследника.

Вой ветра в наступившей тишине был поистине зловещим. В какой-то момент Корделии даже показалось, что она находится на кладбище – настолько тихо стало среди гостей. Даже музыканты больше не играли.

Корделия улыбнулась еще шире, рискуя растянуть губы до ушей.

– Ну же, госпожа невеста. Не бойтесь! Попробуйте! Не могу же я отравить вас на вашей же свадьбе и при свидетелях. Или хотите, я сначала попробую? Но я еще не замужем, а рождение дитя вне брака порицается даже среди ведьм.

Строгий женский голос расколол тишину:

– Нейде, что это значит?! – Звучало бы грозно, если бы не дрожь страха и шум ветра, решившего стать союзником Корделии.

Развернувшись к старейшинам клана, Корделия присела в изящном поклоне:

– Вы, должно быть, старшая госпожа. Приветствую и поздравляю с радостным событием. Для вас у меня тоже есть подарок. – Корделия уверенно тронулась с места и подошла к хозяйке дома, восседающей на массивном деревянном троне. Удивительно, как она держалась настолько прямо: ее голову и шею украшало такое количество драгоценностей, что хватило бы наполнить казну государства.

При виде приближающейся Корделии старшая госпожа едва удержалась на месте. От Корделии не укрылось, как та едва заметно отшатнулась и поджала губы. Корделия остановилась прямо перед ней:

– Эти пирожные испечены из муки фейри. Я наложила на них особое заклинание – заклинание неиссякаемой молодости и девичьей красоты.

Толпа за спиной Корделии ахнула. Конечно же, всем было известно, что оба этих заклятия – черное колдовство. Но они разрешены законом, так как стоят огромных денег. Не все богатые дамы в состоянии заплатить за подобную ворожбу. Однако же, применение таких заклятий приносит казне государства весьма и весьма приятный доход.

Получить же такое заклятие в дар, совершенно бесплатно... Если кто-то скажет, что это подарок богов, – то будет совершенно прав.

Однако же, госпожа клана Агнаман не торопилась пробовать пирожное.

И тут Корделия должна была перейти к своей следующей реплике.

Вскинув брови и округлив глаза, она обернулась к Нейде и обиженно спросила:

– Похоже, мне здесь не рады?... Вы же говорили, что ваша семья с удовольствием примет меня. Вы описали вашу мать, как лишенную предубеждений. Вашего отца – как доброго и справедливого, а вашего брата – понимающего и сочувствующего юношу. Я уступила вашим уговорам и пришла. Но вижу лишь страх и отвращение.

Нейде скрипнул зубами. Корделия с трудом сдержала улыбку и снова повернулась к старейшинам клана. Она смотрела на старших господина и госпожу, но все ее внимание было направлено на совершенно другого человека.

Старший сын, молодой господин клана. Немошный и слабый, прикованный к инвалидному креслу и закутанный в пухлые одеяла, скрывающие его хрупкую фигуру. Корделия видела лишь болезненно бледное лицо, тонкий нос и острый подбородок. Иногда, из-под платка, которым он прикрывал рот, показывался широкий рот с не по-мужски пухлыми и мягкими губами.

Пламя свечей играло с его белоснежными волосами. По выбившимся из пучка на макушке прядям блуждали жемчужно-серые огоньки. Корделия не могла определить его возраст, красив он или уродлив. Даже находясь вблизи, ей удавалось разглядеть поразительно мало.

Он закашлялся, скрыв платком нежно-голубого цвета все лицо. Корделия от досады прищурилась.

Старший господин клана Агнаман, должно быть, принял это на свой счет.

Он соскочил со своего похожего на трон массивного кресла и развел руки в стороны:

– Госпожа... хм... Юная госпожа! Раз вы – гостя нашего сына, то и всей нашей семьи! – Быстрый сердитый взгляд в сторону младшего сына: – Нейде не предупредил, что мы ждем такую важную особу. Скорей же садитесь за праздничный стол и... выпейте чарку за здоровье

молодых! – Он протянул ей руку, чтобы проводить к накрытым для гостей столам, но тут же боязливо отдернул.

Корделия оскалилась, как учила бабка, и вкрадчиво ответила:

– Сначала отведайте мою выпечку. Для вас я тоже приготовила подарочек – золотое печенье. – Гости позади пораженно ахнули. – И для молодого господина есть стряпня. – Корделия немного обернулась к старшему сыну, наконец глядя на него открыто. – Сырная булочка долголетия. – Корделия заглянула в глаза юноши, который, как назло, так и не убрал платок – будто решил до последнего вздоха сопротивляться ее попыткам накормить его и его гнилое семейство. – Этот рецепт перешел мне по наследству от моей любимой бабушки. Когда она поделилась им со мной, ей было больше девятисот лет.

На этот раз гости ахнули в голос.

Корделия не отводила взгляда от старшего наследника клана, но он лишь слегка выгнул брови.

Ну, давай же, убери дурацкий платок и дай мне увидеть тебя! Однако, юноша только сильнее закашлялся, прикрывая глаза. Его длинные ресницы тут же стали казаться еще длиннее – из-за теней, разлегшихся на бледной коже.

Корделия разочарованно сжала зубы.

Она вдруг поняла, что его глаза отличались от глаз обычного человека – в них, словно ураган, плескалось сразу три цвета. Серый, голубой и зеленый. Такие глаза были лишь у фейри. Выходит, молва не врет, и он действительно их потомок.

Впрочем, ей от этого никакой пользы. Главное – чтобы съел проклятую булочку!

От таких подарков отказывались только дураки. Мало того, что эти зелья стоили баснословных денег, так их еще и черная колдунья дарила. Не взять дары – прогневать ведьму. И хоть вред людям карался смертью, ведьма могла найти способ отомстить.

Но никто из семейства Агнаман не торопился попробовать ее кушанья.

– Что же вы, брезгуете моим подарком? – Она слегка наклонила голову на бок, рассматривая глав семейства. – Они вам не по вкусу?

Старший Агнаман переминался с ноги на ногу, глядя то на свою жену, то на Корделию. Его лоб покрылся испариной. Госпожа Агнаман будто приросла к своему креслу. Она сидела, выпрямив спину и сжав накрашенные губы так плотно, что их даже не было видно.

Корделия медленно повернулась к бывшему возлюбленному.

Нейде смотрел только на нее. Страх почти исчез, и только ненависть горела в его глазах.

И что она раньше в нем находила? В его фигуре не было ни стати, ни силы. И даже его внешность больше не казалась сногшибательной. Скорее он был... смазливый. И ничего более.

– Зачем же было приглашать меня, дорогой... – Она специально сделала паузу, а затем добавила: – ...друг, если тут пренебрегают моими подарками?

Неожиданно кто-то потянул Корделию за платье. Она посмотрела вниз: розовощекий пухлый малыш в растрепанной одежде и с полнейшим беспорядком на голове дергал ее юбку крошечным кулачком.

– Ты настоящая ведьма?

Вот ее шанс! Корделия коварно улыбнулась и, как могла, грациозно, опустилась на корточки, примостив на колени, тяжеленный поднос.

– Да, малыш. А ты кто?

Мальчик сунул палец в рот, пососал, пустил несколько слюнявых пузырей и торжественно провозгласил:

– Дайле!

Видимо, его звали Дайре, но звук «р», как и многие другие, он не выговаривал.

– Во-о-от как! – Корделия снова улыбнулась. – Хочешь со мной дружить?

Тишина за спиной снова стала гробовой.

Дайре подумал, а затем кивнул.

С серьезным видом он посмотрел на поднос, а потом указал пальцем на ее шляпу:

– Хасю тот зефир!

Корделия мысленно поблагодарила бабу, которая каждый день повторяла: «Ведьма должна быть готова ко всему! Сначала соблазнить мужика, а потом его съесть!» Бабуля больше была по части съесть, чем соблазнить, но действительно была готова к обоим действиям.

Корделия тоже подготовилась. Балансируя на корточках, с подносом на коленях, она подняла руки вверх и сняла с головы шляпу.

Ветер тут же растрепал ее слишком длинные волосы, сине-серые пряди полетели в сторону Дайре, который наконец оторвал слюнявый палец от слюнявого рта и потянул к ним ладошку, следя зачарованным взглядом.

Корделия оторвала от шляпы полосатую красно-белую зефиринку и сжала пальцами.

– Она волшебная. Хочешь покажу?

Мальчишка с трудом отвлекся от ее волос и посмотрел на зефир. Как кукла в перчаточном театре, он забавно кивнул.

Корделия улыбнулась и прошептала:

– Зефирка-зефирка, стань лягушкой. – Она подула на зефир и протянула Дайре: – А теперь ты!

Дайре быстро повторил:

– Зефирка-зефирка, стань лягушкой!

– Брось на землю.

Дайре бросил зефир. Едва он столкнулся с землей, раздался тихий хлопок. Зефир скрылся в сиреновом облаке. Когда оно рассеялось, на земле сидела милая пухлая фиолетовая жаба с похожими на пузыри бородавками.

Корделия радовалась бы любому результату. Визгам Дайре, его истерике, слезам. Ей было все равно. Больше удивляло то, что никто из родителей не забрал мальчишку и не спрятал в доме, в самом глубоком подвале. Эти странные людишки оставили пацана на растерзание черной ведьме! Что у него за мать такая?! Кто вообще его мать?

Корделия бы уже уносила своего ребенка на всех парах. Но это семейство, похоже, ждало, пока она набросится на мальчонку, и всю планировало, как будет улепетывать, пока она будет его есть.

Однако Дайре оказался не так прост, как она думала. И гораздо храбрее всей своей семьи.

Радостно взвизгнув, он схватил жабу и сжал ладошками с такой силой, что та испуганно квакнула.

Прижимая несчастное животное к себе, Дайре серьезно спросил:

– А есть еще калдаство?

Корделия серьезно кивнула:

– Есть!

Она сняла голубую перламутровую зефиринку с золотыми крапинками, несколько раз сжала пальцами, подула, а после протянула игрушку Дайре:

– А теперь ты сожми.

Дайре сжал кулачок так яростно, что аж покраснел. Его по-детски большие карие глаза еще больше расширились, а рот приоткрылся от восторга. Когда он разжал кулак, на его ладони оказалась большая ярко-синяя зефиринка в форме облачка с серебристыми блестками.

Корделия скомандовала:

– Положи в рот. – Дайре тут же запихнул зефир в рот. – Пожуй. – Малыш усиленно заработал челюстями. – А теперь дуй!

Надув щеки, Дейре выдул огромный синий пузырь, который оторвался от его губ и полетел в воздух, ярко переливаясь. До бордового оттенка лица мальчуган начал выдувать пузырь за пузырем, пока по воздуху не разлетелся десяток ядовито-синих шаров. Дейре следил за ними счастливо-мечтательным взглядом.

Суровый женский голос разрушил волшебную атмосферу:

– Довольно! Линэд, уведи Дейре!

Корделия подмигнула малышу и снова выпрямилась. Старшая госпожа наконец отмерла. С суровым видом она смотрела на Корделию. Когда пузырь ударился о ее щеку, лицо госпожи перекосилась.

Даже в девятьсот лет бабка Корделии выглядела приятнее, чем старшая госпожа сейчас.

К Дейре подбежала увешанная драгоценностями бледная женщина. Должно быть, та самая Линэд.

– Пойдем, мой хороший.

Дейре тут же нахмурился, а затем сморщился. Его лицо побагровело, а рот раскрылся в громком плаче.

– Хасю-ю-ю с не-е-ей...

Линэд взяла его на руки, пытаясь отобрать жабу, и одновременно боясь к ней прикоснуться:

– Выброси! Выброси эту гадость!.. Ну же!..

– Не атда-а-ам Пу-у-у-ухлика-а!..

Линэд покраснела, видимо, от стыда, и глядя на гостей, а не на сына, предприняла попытку утихомирить мальчонку, неловко хлопая его по макушке.

– Ну, перестань... Что же ты... Посмотри, как много гостей... Ты же юный господин, а юные господа так себя не ведут...

Корделия закатила глаза. Даже ведьмы, отличающиеся суровостью в вопросе воспитания детей, и те находили способы успокоить ребенка.

Но о бедолаге Дейре пришлось забыть – главная госпожа наконец отклеилась от своего кресла-трона и махнула рукой, отбрасывая назад расшитую сверкающими кристаллами накидку.

– Должно быть, вы что-то перепутали... девушка. Мои сыновья... не водят дружбу с ведьмами.

Корделия выпятила подбородок, стараясь не запрокидывать голову, чтобы смотреть прямо в глаза госпоже, которая была намного выше нее.

– О-о... я бы не называла это «водить дружбу». Наши отношения гораздо более... глубокие.

Старший сын снова закашлялся. Показалось, или он пытался скрыть смех? Корделия бросила на него взгляд. Но бедолага скрылся за своим платком и буквально утонул в темных невзрачных одеялах.

– Я не позволю какой-то... какой-то ведьме клеветать на моего сына! Наша семья никогда не являлась с такими, как вы!

Корделия прищурилась:

– У-у-у... Вряд ли словом «якшались», можно назвать то, чем мы занимались. Я могу описать все родинки на его теле...

– Мы знакомы! Знакомы! – Нейде бросил свою невесту и подскочил к Корделии, встав рядом с ней. – Госпожа Корделия... готовила мне лекарства, когда я заболел. В благодарность я пригласил ее на свадьбу.

Наконец в его взгляде, когда он обернулся и посмотрел на нее, появилось то, чего она так ждала: страх и мольба.

Один дружок попался. Осталось заполучить второго. И ошибается тот, кто думает, что на этом Корделия остановится.

Старшая госпожа побагровела настолько, что стала почти синей:

– Когда это ты болел? Почему я не знаю об этом?

– Я не хотел тревожить вас, матушка! Подготовка к свадьбе – хлопотное дело.

Корделия покивала:

– Все так и было. Видите, я не вру? Ну что, теперь отведаете мои лакомства?

Нейде развернулся к ней:

– Да! Да, я съем!

Корделия убрала поднос подальше от его тянущихся к сладостям рук:

– Для вас я ничего не приготовила, молодой господин. У вас и так все есть. Грех – безудержно желать слишком многого.

Если ведьма, рассуждает о грехе – значит, скорее всего, она собирается его совершить. Слова же Корделии прозвучали, как нравоучение. Нравоучение от ведьмы? Что может быть унижительнее?! Только связь с ней.

– Я, пожалуй, попробую... – Красивый, но тихий голос заставил замолчать даже ветер.

Все, как по команде, повернулись к старшему сыну. Корделия затаила дыхание. Сердце забилось в груди с такой скоростью и силой, что заболели ребра.

Наследник рода выпростал из одеял руку и протянул к подносу. Корделия, как зачарованная, смотрела на длинные тонкие пальцы одновременно изящной и в то же время по истине мужской ладони.

Что ж, впервые в жизни она понимала, что руки мужчины гораздо притягательнее его лица. Она была бы совсем не против, если бы такие ладони накрыли ее плечи, притянули к себе, коснулись щек, погладили по голове. Ей бы понравилось ощущать их прикосновение на своей коже. Да ей просто нравилось на них смотреть!

Госпожа ударила сына по ладони расшитым блестками веером, и брезгливо заявила:

– Одним богам известно, что она туда положила.

Красивый голос, приглушенный платком, чуть насмешливо проговорил:

– Вы уже позволили испробовать ее стряпню Дейре. С ним ничего не случилось. Я не в том положении, чтобы отказываться от булочки долголетия.

Его рука оставалась вытянутой, и Корделия, затеявшая ради этого весь свой спектакль, поспешила подойти. Лишь в последний момент она остановила себя и заставила замедлить шаг. Старший наследник, слабый, немощный, и явно доживающий свои последние месяцы, а то и деньки, выглядел, как властный король. А она рядом с ним казалась не более чем служанкой.

Это нужно срочно изменить! Ее дары бесценны! Он на коленях должен умолять, чтобы получить хотя бы укус вожаемой сладости. Так почему она торопится скорее исполнить его то ли просьбу, то ли приказ?

Ах, да! Потому что в булочку, кроме зелья долголетия, она добавила приворотный отвар. Совсем мало, капельку. Но это должно заставить старшего наследника заинтересоваться ею настолько, чтобы пожелать новой встречи. А там уж она придумает, как влить в него столько, чтобы он голову от нее потерял. Это поможет ей войти в клан Агнаман. И вот тогда-то начнется ее месть...

Корделия приблизилась настолько, чтобы старший наследник мог взять предназначенную ему булочку. Аккуратным движением он сжал мягкий шарик и убрал руку с платком от лица.

Корделия глубоко судорожно вздохнула. Она варила приворотное зелье. Но он был тем, кто, похоже, купался в нем, ибо такая внешность была создана для того, чтобы проникать во сны, околдовывать и лишать рассудка.

Глава 2. Сырная булочка для старшего братца

Хэвейд умирал от скуки. От долгого неподвижного сидения у него ныло все тело. К тому же, маска, меняющая лицо, оказалась не готова, и ему пришлось весь вечер изображать приступы кашля и прикрывать лицо платком, чтобы скрыть несуществующую бледность. Под грудой одеял, в которые его закутали по приказу матери, было нестерпимо жарко. Спасал только разыгравшийся осенний ветер, неожиданно холодный и злой. Он выстужал разгоряченную кожу и нес с собой запахи сумеречной росы и прелой листвы.

Мать на время оставила его в покое и следила за соблюдением всех свадебных обрядов, отец весь вечер, как затаившийся в засаде хищник следил за матерью, а точнее за тем, когда она отвернется, чтобы хлебнуть лишнюю чарку свадебного вина.

В тот момент, когда Хэвейд размышлял, притвориться ли ему уставшим и сбежать с этой унылой свадьбы или все-таки досидеть до конца, торжество окрасилось новыми красками.

О, да... Эта свадьба определенно войдет в семейные хроники. А может, наоборот, любые упоминания о ней будут безжалостно стерты.

Примерный и до скрежета зубов идеальный Нейде умудрился притащить на собственную свадьбу черную ведьму.

Хэвейд разглядывал ее так, словно никогда в жизни не видел ни одну колдунью. В какой-то момент он даже позавидовал малышу Дейре, который вот так запросто подошел и подергал ее за подол длинного платья. Мальчишке понадобилась пара минут, чтобы подружиться с загадочной девицей, превратившей унылейшую свадьбу в самое интересное событие последних лет. Хэвейд буквально заставлял себя сидеть смирно и не дергаться, но ему до боли в костях хотелось подойти к ней и потребовать свой подарок, прикрепленный к остроконечной шляпе.

Закон обязывал ведьм носить только черные одежды. Чаще всего ведьмы выбирали экстравагантные наряды,ставлявшие их прелести напоказ. Эта же была наглухо застегнута, наверное, на сотню пуговиц, и потребовалась бы целая вечность, чтобы расстегнуть их все. Единственным украшением ее длинного платья был белоснежный воротник, который трепал злой ветер. Кружевная стойка охватывала тонкую шею, и Хэвейд даже прищурился, пытаясь разглядеть узор на открахмаленной ткани. Черная шелковая лента, как веревка виселицы, выделялась на бледной коже, перечеркивая горло.

Обычно ведьмы носили на своем теле отметину – знак принадлежности к колдовству. Зеленая кожа, бородавки, копыта вместо ног, кошачьи уши или вертикальные зрачки – они придумывали все, что угодно, лишь бы напугать или, наоборот, завлечь глупых людей.

У этой девицы не было ничего необычного, кроме кукольной красоты и серо-голубых волос. Блестящие серебристые пряди напоминали нити паутины, запутавшиеся в звездном свете. По меркам ведьм она должна была считаться невзрачной, но Хэвейд почему-то никак не мог перестать смотреть на нее.

Еще у нее была необычная метка – язычки пламени, тянущиеся от уголка губ до уха. Знак очага, кухни. Символ кулинарных ведьм.

И только глупец считал бы этих девиц самыми слабыми из всех. Да, возможно, они не могла призвать к себе на службу силы природы, как стихийные ведьмы. И не так хорошо управлялись с животными, но их сила была поистине пугающей.

Они зачаровывали еду. И даже простая вода, налитая их рукой, могла стать отравой.

Многие века кулинарные ведьмы охотились за детьми, пили кровь красавиц, чтобы приумножить и сохранить свою красоту и вырывали сердца мужчин, принося их в жертву в своих страшных ритуалах.

Коли яд готовила кулинарная ведьма, его почти невозможно было обнаружить. Даже если сотня человек отведает отравленную пищу, жертвой станет лишь тот, кому она предназначалась. Эти кулинарные стервы были хуже всех.

Хэвейд пытался понять, где Нейде мог ее найти. И чем мог ее разозлить. Потому что эта девица совершенно точно пришла мстить.

Прилипшие к длинному подолу ее платья сырые листья, покрытые едва заметной корочкой инея, распространяли вокруг себя запах тлена и гниения. Обычный человек не мог бы это почувствовать. Но Хэвейд и не совсем человек.

Красота ведьмы не могла его обмануть – это он повторил про себя уже больше сотни раз. Ее полосатые бело-розовые чулки, показывающиеся, когда ветер задирает юбку платья, могли очаровать какого-нибудь глупого юнца, но не его. Это Хэвейд тоже не забывал себе твердить.

Правда, когда заколдованная ею зефиринка превратилась в ярко-фиолетовую жабу, он забыл обо всех предостережениях. Интересно, это будет слишком подло, если он украдет откормленную квакушку у Дейре?

Хэвейд понял, что не испытывает ни капли стыда за свои мысли и уже всерьез обдумывает, как ночью потихоньку стащить у сына кузины жабу.

Наверное впервые в жизни Хэвейд испытывал ненависть к своему вынужденному при творству. Впервые в жизни ему хотелось стать не тем, кем он был. Впервые он жежал, чтобы на него смотрели без жалости и отвращения.

Он никогда не завидовал Нейде. Ни разу ему не хотелось поменяться с братом местами. До сегодняшнего вечера.

Ведьма буквально открытым текстом сказала, что была любовницей его брата. И в этот момент Хэвейд ощутил зависть. Чем его трусливый, жадный до денег и власти братец заслужил привязанность этой женщины? Что в нем было такого, что она, наплевав на запреты, закон и опасность, явилась сюда?

В тот самый миг, когда она произнесла глупое детское заклинание, Хэвейд понял, что она разбудила всю мощь древней крови, что таилась в нем. Он был готов встать, подойти к ней и потребовать у нее то, что должно было принадлежать ему.

Беда в том, что Хэвейд и сам не знал, что это.

Он несколько раз принохивался к воздуху, пытаясь определить развеянное по нему заклинание. Но она не применяла никаких чар. Неужели, все дело было только в ней?

Он не мог в это поверить. Она точно его околдовала. Но чутье фейри, доставшееся ему с магией древней крови, говорило об обратном. Лишь тонкий аромат зелий, напитавших ее выпечку, разивался хмельным вином по воздуху.

От предков его матери – коварных и жестоких фейри – Хэвейд получил в дар необычную кровь. Благодаря своему происхождению он смог стать главой Тайной Управы и одним из лучших Тайных Стражей когда-либо охранявших покой королевства.

Он мог учуять даже искусно замаскированный яд. Мог определить составляющую самой мощной отравы и изготовить противоядие. Ему дано было почувствовать след отравления на давно иссохшемся теле. Даже дочиста вымытая посуда не могла скрыть от него то, что в ней было сварено.

Но самым главным и ценным оружием было даже не это. Невосприимчивость к ядам – вот, что делало его неуязвимым воином.

Он мог изготовить самый сложный яд. Но ни один яд не мог его отравить. Ни одно зелье, даже безобидное, не могло воздействовать на него.

Поэтому, когда он уловил тонкий, едва ощутимый аромат приворотного отвара, скрытый зельем долголетия, то даже не раздумывал. Почему-то она хотела приворожить именно его, а не Нейде, и Хэвейд собирался подыграть.

Глядя в горящие от возбуждения яркие голубые глаза ведьмы, Хэвейд взял булочку и поднес к губам. На ее щеках едва заметно розовел румянец, и оставалось лишь гадать – ветер ли тому причиной или что-то еще.

Впервые в жизни Хэвейд почувствовал желание понравиться женщине. Обычно, всеобщие печальные вздохи о том, что такая потрясающая внешность досталась такому слабаку, его не трогали. Но не сегодня. Сегодня он хотел воспользоваться наследством фейри. Девушки считали его красивым, но их едва проснувшийся интерес угасал, едва они понимали, что он прикован к инвалидному креслу. Сейчас он жалел о своем вынужденном притворстве. Почему? Хэвейд и сам не знал.

Он просто решил делать то, что она хочет. Впервые за много-много лет в его жизни происходило что-то настолько странное и необычное. Она пришла приворожить именно его. И Хэвейд собирался стать привороженным.

Он коснулся булочки губами и вдохнул потрясающий аромат чуть поджаренного сыра сверху и мягкого, нежного – внутри. Несмотря на ветер и опустившийся вечер, булочка оставалась теплой и мягкой, как будто ее только-только вытащили из печи.

Ароматы двух зелий смешались в причудливый запах иноземной приправы.

Булочка пахла уютом, заботой, домашним очагом и лукавством. Хэвейд жадно вгрызся в нежное воздушное тесто. Рот наполнится слюной, а все нутро затопило тепло, которого он прежде не знал.

И если бы не его способность противостоять ядам и зельям, Хэвейд подумал бы, что его отравили. Потому что подобного он не испытывал никогда.

Мягкая сырная начинка растеклась по языку, а поджаренная корочка приятно таяла и хрустела. Сочетание двух разных сырных вкусов, мягкого теста и зелий превращали обычный кусочек хлеба в королевское лакомство.

Стараясь растянуть удовольствие, Хэвейд медленно жевал, краем сознания замечая, что и гости, и брат следят за ним, затаив дыхание.

Даже мать застыла неподвижно. Властная и вечно всем недовольная, она впервые не знала, что делать.

Хэвейд посмотрел на ведьму, которую Нейде назвал Корделией. Она добавила в булочку крошечную дозу слабенького приворотного отвара. Этого могло хватить разве лишь на то, чтобы вызвать мужской интерес. Чего она добивалась?

Совсем скоро ему предстояло вернуться в столицу, поэтому Хэвейд собирался не тратить время даром и выяснить это как можно скорее.

Он много раз видел, какой эффект оказывали разные зелья и яды. Всю свою жизнь он притворялся. Не составит труда изобразить действие приворота.

Разум снова встрепенулся и напомнил, что ему это все ни к чему. Он должен отказаться от булочки, а потом выследить ведьму и схватить ее, чтобы придать закону. Но...

Хэвейд доел ароматное тесто и заглянул в яркие глаза:

– Благодарю, госпожа колдунья.

Она с достоинством кивнула и спокойно пожелала:

– Пусть ваше здоровье окрепнет, и долгие годы вы будете радовать близких своим процветанием. – Из ее уст традиционное пожелание звучало чем-то особенным. Как будто на виду у остальных они общались о чем-то своем, тайном и сокровенном.

– Благодаря вашему подарку так и будет.

Лишь на долю мгновения на ее лице мелькнуло что-то похожее на стыд, но всякое выражение исчезло так быстро, что Хэвейд подумал: ему почудилось. Лицо ведьмы было непроницаемым, как его маски.

Вдруг ожил Нейде. Он выбил из рук Корделии поднос. Сладости упали на пол, а гости ахнули и снова зашептались.

– Я... я нечаянно!.. – Наверное, он и сам не ожидал, что сотворит подобное.

Пирожные, булочки и яркие круглые леденцы разлетелись во все стороны. К ногам Хэвейда подкатилась еще одна сырная булочка.

Те гости, что сидели, встали со своих мест, чтобы лучше видеть происходящее. Те, кто стоял, обступили ведьму и брата. Невеста, с наполненными слезами глазами, осталась в стороне, в полном одиночестве.

Чтобы сделать эту свадьбу еще более незабываемой, Хэвейд наклонился и поднял булочку, к которой прилипли несколько травинок, принесенных ветром.

Мать и отец бросились к нему, а Нейде остался мяться возле ведьмы, в бессилии сжимая кулаки. Хэвейд успел заметить полный ненависти, ярости и растерянности взгляд брата, брошенный на колдунью.

Что же между ними все-таки произошло?

Но думать об этом было некогда: мать ринулась к нему и попыталась отобрать булочку.

– Выброси! Выброси это немедленно!

Хэвейд изобразил самое печальное выражение, какое только мог. Возможно, ему бы даже удалось выдавить пару слезинок, если бы так сильно не хотелось рассмеяться.

– Может... может, это мой последний шанс на жизнь?.. Мы ведь перепробовали все... кроме колдовства черной ведьмы...

Наследник одного из самых уважаемых кланов, буквально рыдающий из-за вываленной в грязь булочки, приготовленной черной ведьмой – он точно пошатнет устои своего уважаемого семейства.

Эта булочка пахла так же, как и предыдущая – причудливой смесью двух зелий.

Удивительно, но кажется, ведьма умела сочетать разные по составу зелья. Обычно, их смешение не допускалось – ингредиенты двух отваров могли нейтрализовать друг друга или, наоборот, вступать во взаимодействие, и тогда можно было ожидать самых печальных последствий. Но колдунье, похоже, удалось сделать так, что зелья никак не «реагировали» друг на друга.

Мать вцепилась в плечо Хэвейда и присела на колени возле его кресла:

– Милый, мы обязательно найдем выход. Вот увидишь. Ведьма задумала против тебя что-то недоброе. Нельзя доверять этим коварным тварям.

Ведьма действительно что-то задумала, но ее планы были Хэвейду неясны. Приворожить хоть кого-нибудь таким крошечным количеством отвара было невозможно. Этого хватит разве что для того, чтобы вызвать у жертвы приворота легкий интерес. Но... это бессмысленно.

– Вот как? – Ведьма наконец заговорила, прищурившись глядя на мать Хэвейда. – Жаль, что я не знала этого раньше о вашем сыне. – Она подошла ближе, носки туфель наступили на одеяло, которым Хэвейд прикрывал колени. Когда ведьма наклонилась, ее длинные волосы упали вперед, кончики легли на колени Хэвейда, а их аромат проник в ноздри. Невероятная смесь лаванды, розы, осеннего дождя и многовековой пыли, опьяняла сильнее самого хмельного вина. Хэвейд на мгновение растерялся. Мало кто из людей оказывался к нему настолько близко. Женщины и подавно не стремились находиться рядом с инвалидом. Воспользовавшись его замешательством, она выхватила из рук Хэвейда булочку и сжала мягкое тесто в кулаке. А затем, бросив изуродованное угощение на землю, растоптала его. – Один ваш сын, госпожа Агнаман, очень сильно меня обидел. За это я заберу другого вашего сына. Он мог бы прожить долгую жизнь, но не проживет и недели. Если захотите исправить свои ошибки... – Она коварно улыбнулась: – ...Нейде знает, где меня искать.

Глава 3. Охота на взрослого мальчишку

Наверное, это был глупый план. Дурацкий. Идиотский! Но в тот момент ничего другого Корделия просто не смогла придумать.

Прошло уже три дня с тех пор, как она заявила на свадьбу.

Должно быть, ее замысел не увенчался успехом. Корделия даже наслала на поместье Агнаман стаю воронья и прокляла пару служанок.

Но к ней так никто и не пришел. Хотя... может это и хорошо. Ведь если бы к ней нагрянули служители из городской управы, тогда можно было бы прощаться с жизнью.

Надо признать, что сгоряча она натворила дел. Не продумала все достаточно хорошо да еще и вспылила. Ее угрозу слышали полсотни гостей. Конечно, доказать ее причастность к происшествиям в поместье было сложно, но... кого когда волновало виновата ведьма или нет? Если ее решат повесить, то ей останется только смириться.

Ну, еще можно пуститься в бега. Вот только это не особо поможет. Даже после смерти ее дух будут преследовать разъяренные предки ковена. Она умудрилась профукать семейный гримуар. Позор!

Корделия обвела взглядом опустевшую холодную лавку и без сил опустила голову на сложенные на столе руки. Благодаря мерзавцу Нейде, она лишилась всего. Даже гордости.

План с приворотом старшего наследника с треском провалился. И ведь этот красивый дурачок уже готов был съесть проклятую булку! Но в тот момент внутри Корделии что-то воспротивилось. Она не могла смотреть, как он ест поднятое с пола лакомство.

Ей ведь и надо было, чтобы он совсем чуть-чуть ею заинтересовался. Она бы понравилась ему, он бы предложил продолжить знакомство, тогда она смогла бы проникнуть в дом его семьи. Поила бы его маленькими дозами зелья, чтобы он понемножку влюблялся. Потом бы они поженились, и Корделия бы стала первой госпожой. Тогда она смогла бы беспрепятственно искать гримуар, а заодно портить жизнь Нейде.

Чудесная месть!

А после того, как нашла бы книгу, сварила бы мужу зелье долголетия, дала развод, напоила бы отворотным отваром и исчезла из его долгой и счастливой жизни. Долголетие и отменное здоровье – ведь достойная компенсация ее подлости и обмана? Наверняка бы он еще и «спасибо» сказал!

Но все пошло не по плану... И она сама в этом виновата.

Мерзкая семейка! Все до единого мерзкие!

Корделия наслала на их дом несчастья и парочку проклятий, но никто так и не пришел просить ее проявить милость. Природа, словно издеваясь – нагнала на небо туч. От этого в ее и без того темной лавке стало черным-черно. Еще и противный дождь забарабанил в окно.

В этом монотонном, одновременно раздражающем и усыпляющем звуке, Корделия не сразу распознала стук в дверь. Когда поняла, что это за дробь, тут же встрепенулась и резко выпрямилась. Перед глазами поплыло от быстрого движения. Ну, вот и все... За ней пришли из управы. Сейчас ее объявят преступницей, заберут в городскую тюрьму, быстренько осудят и повесят. Это если повезет. Агнаман – влиятельный и уважаемый клан. Поэтому, чтобы успокоить их уязвленную гордость, наместник и городской глава могут сначала ее пытаться, а потом сжечь.

На цыпочках Корделия прокралась к окошку и выглянула наружу. У ее дверей стояла странная парочка. Однако, они никак не напоминали стражей управы.

Юноша – крепкий и статный, затянутый в кожаные доспехи. Девушка – молоденькая и симпатичная, в простой, но опрятной и добротной одежде.

Так-так-так... клиенты?

Корделия отворила дверь и неохотно высунулась в дождливую серость. Молодой воин окинул ее оценивающим взглядом. Девушка – презрительным. Корделия тут же нацепила на лицо злобное выражение и сладко пропела:

– Гостиница для любовничков на другом конце улицы.

Девушка тут же оскорбилась и возмущенно открыла рот. Наверное, хотела что-то сказать, но только продолжала тяжело дышать, с гневом глядя на Корделию.

Воин поклонился:

– Госпожа Корделия? Меня зовут Гуайре. Я телохранитель первого наследника клана Агнаман. А это... – Он посмотрел на свою расчувствовавшуюся спутницу: – ...Наас, служанка первого наследника. И его сиделка.

Этот унылый серый день внезапно стал самым прекрасным в её жизни. И дождь, и ветер, и сырость, и туман – все было чудесным и волшебным.

Корделия равнодушно пожала плечами и нырнула обратно в нутро своей обнищавшей лавочки:

– Ну и что? Гостиница находится все там же.

Она уже собиралась закрыть дверь, когда телохранитель просунул внутрь меч в ножнах:

– Мы из дома Агнаман.

Корделия снова пожала плечами:

– И что?

К ней вернулись надежда и уверенность. Все обязательно получится! Как говорила бабуля: «Набей себе цену. Кто захочет, купит за дорого. А не захочет, так ты и не дешева, чтобы продаваться за пару монет.»

Девушка наконец пришла в себя и, надменно вскинув подбородок, отчеканила, перебивая дождь:

– Нас прислала старшая госпожа клана Агнаман. Это самое древнее и уважаемое семейство страны. Даже родословная короля не так богата, как семейное древо нашего клана.

Корделия гаденько оскалилась:

– Будем надеяться, король тебя не услышит. А то никакое древо тебе не поможет избежать смерти. Еще и на свой дорогой клан беду накличешь.

Служанка поняла, что сморозила глупость и покраснела от ярости. Телохранитель закатил глаза.

– Мы пришли передать послание от госпожи. Она приказывает вам явиться в поместье.

Корделия разгладила складочку на длинной юбке и улыбнулась:

– А какое право она имеет мне приказывать? Я служу королю нашего славного государства, но никак не госпоже Агнаман. Вот ежели она сама явится и вежливо попросит, тогда я подумаю...

Служанка ее перебила:

– Да как ты смеешь?!

Корделия погрозила ей пальцем:

– Поуважительнее. Ты – служанка, а я – черная ведьма. Как думаешь, кто из нас может доставить другой больше неприятностей?

Казалось, что от возмущения девушка в конце концов взорвется. Телохранитель легонько толкнул ее локтем и снова поклонился.

– Клан оказался в затруднительном положении. Прошу, госпожа ведьма, окажите милость и последуйте за нами.

Что ж, тут важно – не перегнуть палку.

Корделия бросила задумчивый взгляд на окно:

– Погода скверная. Пойду соберусь. – Она улыбнулась: – Только из-за того, что ты мило просишь. – Приблизившись к телохранителю, Корделия прошептала ему на ухо так, чтобы

слышала противная служанка: – Для тебя приворожу любую госпожу, какую захочешь. Только не эту. Она тебя недостойна.

И пока прислужница не взлетела в воздух от ярости, Корделия направилась на второй этаж наводить на себя красоту, а на окружающих – ужас.

*

Корделия не любила животных, если их нельзя было использовать в ритуалах, гадании или каких-нибудь пакостях. Животные отвечали ей взаимной нелюбовью и искренней враждебностью.

При ее приближении обе лошади, спокойно дожидаящиеся всадников, встрепенулись и громко заржали. Сонное и дряхлое животное, на котором, видимо, приехала служанка, злобно глянуло на Корделию сквозь длинную челку. Корделия ответила ей не менее враждебным взглядом. А потом еще и показала язык. Лошадь презрительно фыркнула. Корделия хмыкнула.

Телохранитель наследника прочистил горло:

– Вы поедете вместе с Наас...

Корделия свысока глянула на парнишку, хоть он и был на пару голов выше ее:

– Даже не надейся. Я приближусь к этой мерзкой лошаденке только в одном случае: если она будет мертва.

Лошадь всхрапнула и стукнула копытом по мощеной улочке.

Гуайре, или как там его, тяжело вздохнул:

– Это самая спокойная лошадь в нашем поместье. Не знаю, почему она себя так ведет. Наверное... из-за погоды.

«Ошибаешься, глупыш. Из-за меня» – Корделия проглотила эту фразу и покачала головой.

– Я не умею ездить верхом и не собираюсь сейчас учиться. К тому же, моя одежда не предназначена для мучений верхом на этом монстре.

О, да!.. Сегодня она постаралась выглядеть особенно эффектно. Единственное, что у нее не отобрали, и то, лишь потому, что не смогли найти, – одежду и украшения.

Платье, которое она нынче надела, было свободным и чертовски длинным. Черным ведьмам, вынужденным одеваться во все черным, приходилось всячески изгаляться, чтобы выглядеть одновременно красиво, угрожающе, соблазнительно и при этом не быть похожими друг на друга.

В итоге, именно черные ведьмы стали теми, на кого барышни из приличных семейств пытались равняться.

Когда-то это платье принадлежало бабуле. Почтенная ведьма специально выбрала такой фасон, чтобы напоминать в нем огромную черную ворону. Окруженная стаей птиц, темными ночами она являлась в деревни и пугала несчастных жителей, а затем уводила их детей с собой, в свой сладкий и опасный домик в дремучей лесной глуши.

У платья были широкие квадратные рукава, длиной почти до пола, и широкий-широкий подол. Темно-синей и черной блестящей нитью на мягкой ткани были вышиты веточки с листьями. Черные бусины изображали ядовитые ягоды. Сверху Корделия надела плащ, украшенный заколдованными лепестками черных роз и птичьими перьями. По низу за плащ цеплялись нити вечной паутины.

Сегодня она не надела шляпу, позволив дождю намочить посыпанные блестками волосы. Она украсила голову сплетенными из бисера змеями, которые поглядывали на всех незнакомцев враждебными алыми глазами.

Ее серо-голубые волосы казались как никогда мрачными и таинственными. Корделия никогда не относилась к тем ведьмам, которые всячески старались подчеркнуть свое отличие от обычных людей. Наоборот, она всегда мечтала быть похожей на них. Но закон обязывал иметь во внешности что-то, по чему каждый сразу мог сказать – перед ним ведьма.

Когда-то давно она решила, что изменит только цвет волос. До сегодняшнего дня она не особенно много задумывалась об этом решении. А сейчас вдруг в голову хитрым червячком юркнула предательская мысль: наверняка сегодня она снова увидит первого наследника. И очень хорошо, что ее волосы имеют такой цвет – он очень хорошо сочетается с таинственным серебром его волос.

Противная лошадь опять заржала, и Корделия пришла в себя. О чем это она вдруг подумала? Нет-нет! Она едет в этот проклятый дом только ради мести и поиска бабушкиного гримуара.

Телохранитель встал на колено и подал ей руку:

– Позвольте, я вам помогу?

Корделия скривилась. Служанка уже умостила на лошадь, самодовольно елозя ногами, вставленными в стремя.

Тяжело вздохнув, Корделия сжала протянутую ладонь и с опаской поставила ногу на колено телохранителя. Одним резким движением он вдруг поднялся, практически подталкивая ее в воздух. Корделия взлетела вверх. Обхватив ее талию ладонями, Гуайре закинул Корделию на лошадь позади служанки.

Дождь, как назло усилился.

Корделия вцепилась в талию отвратительной девицы и прошептала ей на ухо:

– Если не довезешь меня в целости и сохранности, я украду твою молодость. Будешь выглядеть, как старуха, покроешься мерзкими бородавками и гнойниками.

Тело под ладонями Корделии напряглось. Вот так-то! Будешь знать, как прекословить ведьме!

*

Дорога до поместья Агнаман заняла полдня. Только к вечеру, наступившему слишком быстро, Корделия и ее попутчики добрались до массивных ворот. Ветер превратился в настоящий ураган, швырял в лицо иглы ледяного дождя и мокрую листву. Ветви деревьев хлестали по телу, и Корделия схлопотала несколько пощечин. Наверняка на щеках остались царапины, но она не чувствовала ничего. От холода все косточки окоченели.

Дорога к поместью пролегла через лес. Земля превратилась в грязь, и Корделии казалось, что она уже с ног до головы покрыта противной коричневой жижей.

Будь проклято все отвратительное семейство Агнаман. Из-за них она терпела адские муки езды на лошади сквозь лес и бурю. Сквозь шум ветра было слышно, как шипят скрывшиеся во тьме змеи и напившиеся человеческой крови совы.

Кажется, кто-то творил в лесу колдовство. Корделия все время оглядывалась и всматривалась в темноту, но так ничего и не заметила. Может, какие-то ведьмы решили собраться здесь на шабаш?

Совершенно точно в лесу возле земель клана Агнаман что-то происходило. Но что именно – Корделия понять не могла.

Когда же появились ворота и два замерзших стражника возле них, Корделия и думать забыла о своих страхах.

Наконец, они въехали на территорию поместья.

Зубы Корделии стучали от холода, ее всю трясло. Она могла думать лишь о фонарях, висящих возле внушительного особняка. Только пара окошек горела теплым желтым светом, но даже этого было достаточно, чтобы она почувствовала тепло.

Телохранитель стащил окоченевшую Корделию с лошади и повел в дом. С трудом переставляя ноги, она пыталась не отстать от раздражающе бодрого стража.

В любой другой ситуации Корделия обязательно рассмотрела бы убранство богатого особняка, но сейчас у нее были силы лишь на то, чтобы плестись за Гуайре и его мерзкой подружкой.

Наконец они привели ее в просторный темный зал с низким потолком и узкими стрельчатыми окошками. На подставке в виде низкого дерева стояли несколько фонарей, внутри которых горели свечи.

В самом зале было едва ли не холоднее, чем снаружи.

Госпожа Агнаман сидела на своем деревянном троне, который на этот раз стоял на небольшом помосте. Самовлюбленная карга всеми правдами и неправдами пыталась показать свое превосходство над окружающими. Перед ней стоял длинный, накрытый белоснежно скатертью стол. Абсолютно пустой.

Корделия устало осмотрелась. Даже жесткого стула не было. Сильно же ее тут ждали!

Госпожа Агнаман начала без приветствия:

– Если ты не исправишь то, что натворила, я доложу на тебя властям.

Корделия была слишком измучена, чтобы спорить. По воле ее драгоценного сыночка она лишилась всего. Все, что у нее осталось, – ее собственная жизнь. Но так ли она ценна, когда ты одна-одинешенька на всем белом свете?

Корделия больше не позволит никому из этого отвратительного семейства пользоваться собой. Она будет отдавать приказы!

Она развернулась и направилась обратно, небрежно бросив:

– Это вы могли передать и через слугу.

Эхом по зале разлетелся гневный оклик:

– Стоять!

Корделия и не думала замедлять шаг. Она уверенно направлялась к тяжелым деревянным дверям.

– Как ты смеешь отворачиваться от меня?! Повернись, когда с тобой говорят!

Корделия дошла до дверей и безуспешно потянула створку.

Она все-таки обернулась, презрительно бросив через плечо:

– Кто же вы такая, чтобы отдавать мне приказы? Это вам нужна моя милость, а не мне ваша. Так что... подумайте лучше, как умясить меня, а не угрожать. Жизнь всего вашего клана сейчас зависит от моего хорошего настроения. Вы же притащили меня в это неприятное место, даже не предложили присесть, кричите и угрожаете. Не так нужно вести себя с той, кто держит ваше семейство в кулаке. – Корделия сжала ладонь и улыбнулась. Заколдованные змеи из бисера, украшающие волосы, тихонько зашипели.

Госпожа Агнаман вздрогнула и вцепилась в подлокотники деревянного кресла.

Полным ненависти взглядом она пыталась испепелить Корделию, но, конечно же, у нее ничего не получилось.

Корделия усмехнулась, взялась за холодное кольцо и снова потянула дверь.

– Как это открывается?

Неожиданно дверь резко распахнулась, отбрасывая Корделию в стороны. Она взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, но окоченевшее тело не слушалось.

Что-то горячее коснулось ее пальцев, а затем сжало ладонь в пылающих тисках.

Корделию потянуло вперед.

Старший наследник клана Агнаман, сидящий в инвалидном кресле, сжимал руку Корделии, не позволяя ей упасть. Но беда в том, что теперь она летела прямо на него.

Вытянув вперед свободную руку, Корделия каким-то чудом уперлась во что-то твердое и устояла на ногах, нависнув над мужчиной в нелепой позе.

Чем-то твердым оказалась его грудь, неожиданно крепкая и горячая даже под слоями намокающей одежды. Капли дождя с ее волос и лица сейчас текли прямо на бледного болезненного юношу.

Их взгляды заблудились, как два потерянных ребенка в лесу. Корделия почему-то боялась смотреть ему в глаза, чувствуя странное смущение, а он, наоборот, без стеснения, открыто рассматривал ее лицо, волосы и одежду.

– Матушка, вы все же пригласили госпожу Корделию? – Его голос согревал, делая теплым и уютным этот холодный неприветливый зал. Он обращался к матери, но продолжал смотреть на Корделию. А она продолжала упираться ладонью в его грудь.

Опомнившись, Корделия попыталась отодвинуться. Еще чего доброго, первый наследник скончается, не выдержав ее веса.

Он до сих пор сжимал ее ладонь, и пришлось приложить усилие, чтобы выдернуть руку из неожиданно крепкой и сильной хватки.

– Хэвейд, что ты здесь делаешь? Отправляйся к себе и отдыхай. – Старшая госпожа поспешила спуститься с помоста и направилась к сыну, бросая на Корделию ненавидящие взгляды.

Бледный наследник, который сейчас напоминал призрака, смотрел на Корделию со счастливой улыбкой. Его затуманенный взор был направлен только на нее.

– Я хотел поприветствовать госпожу Корделию. – Он улыбнулся еще чуточку шире, но тут же закашлялся, сотрясаясь всем телом.

Корделия постаралась незаметно отодвинуться. Его восторженный преданный взгляд немного пугал. Неужели она напортачила с зельем и налила слишком много? Или же он просто надеется, что она сможет его вылечить? Судя по сероватому оттенку его кожи и почти черным мешкам под глазами, денечки его сочтены.

Старшая госпожа окатила телохранителя суровым взглядом:

– Немедленно сопроводи юного господина в его покой!

– Пойдите! – Он снова закашлялся и прижал ко рту платок. – Пойдите... Госпожа Корделия... в прошлый раз... нас не представили друг другу... Но вы преподнесли мне ценный подарок, а я даже не смог вас поблагодарить...

Корделия наконец немного пришла в себя.

Встряхнув руками и разбросав вокруг себя сотни сверкающих дождевых капель, она с трудом усмехнулась онемевшими губами:

– Ах вот оно что... Тащить меня в такую грозу выслушивать оскорбления вашей матери – это благодарность... Боюсь даже думать, что вы придумаете, когда разгневаетесь на меня. Что ж... вашу... благодарность... – Она скривилась: – ...я уже получила. Теперь же позвольте отправиться обратно. Путь не близкий.

Старший наследник тут же заглотил брошенную ею наживку и сотрясся всем телом, пытаясь схватить ее за руку:

– Разве матушка не пригласила вас остаться?! – Широко распахнутыми глазами он посмотрел на мать.

Главная госпожа поджала губы и отвернулась.

Пока она пыталась взять себя в руки, ее сын, сбиваясь, затараторил:

– Возможно... возможно, вы могли бы проявить милость ко мне?

– Хэвейд! – Главная госпожа пришла в себя: – Не смей унижаться перед ней!

Вот, как его звали... Хэвейд... Корделия произнесла про себя, пытаясь понять, как бы это звучало, слетая с ее губ. В его имени чувствовались сталь и сила. Короткое, но вместе с тем удивительно тягучее. Жаль, что она не может произнести его вслух...

Корделия осознала, о чем именно думает, и едва не зарычала. Это еще что такое?! Какая ей разница, как звучит его имя?

Она промокла до костей, окоченела, едва дышит от холода и думает неизвестно о чем!

– Разве желание жить – унижение?

Корделия хмыкнула. Госпожа опалила ее уничижительным взглядом, а ее сын, наоборот, посмотрел с мольбой и восхищением:

– Я нуждаюсь в вашем милосердии и колдовском искусстве. Изберите этот дом своим домом и... помогите мне излечиться.

Корделия сцепила зубы, чтобы ненароком радостно не взвизгнуть. Она и не думала, что все будет настолько легко.

И все-таки нельзя сдаваться так скоро.

– Думаете сделать меня своей бытовой ведьмой?

Среди черных ведьм эту братию презирали.

Бытовые ведьмы занимались тем, что следили за порядком в доме. Эдакая прислуга, которой не нужен уют, чтобы погладить одежду, и, которые в одиночестве могут перемыть все полы в доме. Естественно, с помощью колдовства. По началу позволить себе это могли только самые богатые семьи. Но колдуньи вырождались, их сила становилась слабее, и даже бытовые ведьмы были уже не так сильны, как прежде.

Любой мало-мальски знатный род стремился нанять на службу бытовую ведьму. Чаще всего колдуньи проводили всю жизнь с семьей, которой служили.

Черные ведьмы, не признающие над собой ничего господства, кроме Жизни и Смерти, презирали выбор бытовых ведьм. Добровольно стать слугами людей? Черная ведьма лучше умрет, чем опустится до подобного.

Первый наследник быстро помотал головой:

– Простите мою глупость! Меня взволновала весть о вашем приезде...

Ну да, как же! Взволновался он! Ты должен быть в ужасе от того, что натворила твоя мать, дружок! И думать, как загладить ее вину.

Корделия посмотрела на дохлячка, решая, сколько еще можно его помучить. Тут главное – не перегнуть палку. И в то же время она должна довести его и его мерзкую мамашу до отчаяния.

– Вы!... И вы... – Корделия указала сначала на старшую госпожу, затем – на ее сына: – ...мне не нравиться. Я принесла вам подарки, которые стоят целое состояние. А вы оскорбили меня. Затем вы прислали своих грубых слуг, которые практически похитили меня и притащили в этот мерзкий дом. Я ехала через бурю, замерзла и устала, но вы не то, что не предложили мне присесть, наоборот: снова начали унижать и оскорблять. Какое же наказание я должна выбрать для вашей семьи?..

– Золото! – Старший наследник, широко раскрыв свои невероятные глаза, смотрел на Корделию. – За каждый день нахождения здесь вы будете получать десять монет золота. – Он повернулся к матери, словно ища у нее подтверждение своим словам.

Корделия хмыкнула:

– Я сама готова вам заплатить, лишь бы не видеть больше.

Она обошла Хэвейда и степенным шагом вышла из неприветливой залы. Каждая косточка ныла от холода. Зубы начали стучать, а тело сотрясаться мелкой дрожью.

Но Корделия намеревалась разыграть свой спектакль до конца. Как говаривала бабка: «Хочешь получить крупную добычу, приготовь крупную приманку.»

Бабуля ответственно подходила к охоте. Она украсила весь свой дом сладостями и выпечкой, чтобы заманивать глупых детишек!

Корделия шла по ее стопам. Ей тоже предстояло заманить мальчонку. Только постарше и покрупнее. А для этого и приманка должна быть соответствующей.

Очень-очень большой и очень-преочень аппетитной!

Глава 4. Жаба, гриб и змей

Она снова оказалась в грубых объятиях осенней грозы.

Дождь лил не просто стеной – он будто превратился в водопад, который брал начало где-то высоко в небе.

Корделия с трудом сделала шаг прямо в бушующую ночь, и ее тут же едва не снесло с ног.

Сверху вдруг мелькнула огромная черная тень, которая оказалась даже чернее этой мрачной ночи.

Корделия резко вскинула голову. Неужели, пролетела ведьма? Но сколько бы она не всматривалась, ничего кроме сверкающих сине-серых струй ливня, не видела больше ничего.

Набрав в грудь побольше воздуха и закутавшись в мокрый плащ, Корделия выбежала из-под крыши.

От холода, ветра и дождя она задыхалась, но упрямо бежала вперед. Хотя, бегом это было сложно назвать – из-за ураганных порывов ей с трудом удавалось переставлять ноги.

Даже не пытаясь обходить лужи, Корделия шлепала вперед, таща тяжелый плащ, который не грел, и платье. Воды было так много, что она доходила до щиколоток. Подол плыл по озеру, разлившемуся из грязных луж.

Едва не потеряв и так промокшие ботинки, Корделия с трудом преодолела болото, в которое превратилось поместье.

Если выберется отсюда живой и не умрет от простуды, то проклянет все мерзкое семейство! Заставит их рвать жуками и рыдать кровью!

Корделия дошла до ворот и обернулась: конечно же, за ней никто не пошел. Даже стражники сбежали, прячась от непогоды.

А ей теперь предстоял путь обратно...

Как она доберется до дома, через лес, да еще в такую бурю, Корделия не знала. У нее не было сил даже на то, чтобы стоять. Сжав пальцами ледяные решетки ворот, другой рукой Корделия задрала подолы вверх и прижала к животу. Она думала, что уже заledenела, но, кажется, мокрая ткань все же согревала. Потому что сейчас стало еще холоднее. Да как такое вообще возможно?! Но хоть идти стало чуточку легче – тяжелая ткань не путалась под ногами и не тянула вниз.

Сжав беспрерывно стучащие зубы, Корделия побрела в лес.

В дождливой темноте знакомую тропу было не видно. В какой-то момент Корделия поняла, что заблудилась. Деревьев стало слишком много, и продрасться через них и колючие кустарники было практически невозможно.

Ноги вязли в земле. Она чуть ли не по колено проваливалась в раскисшую жижу.

Да что ж за напасть такая?!

Вдруг вспомнилось, что по пути сюда она почувствовала присутствие других ведьм. Черные ведьмы враждебны к людям. Но еще больше она враждебна друг к другу. Даже если вы из одного ковена – это не повод для дружбы. Только близкие родственные узы могли уберечь от внезапной смерти из-за проклятия. Но даже из этого правила бывали исключения.

Если она сейчас натолкнется на чужачек, то можно попрощаться с жизнью. Черные ведьмы не щадят соперниц.

Дрожащей рукой Корделия потянулась к волосам и с трудом отцепила змейку из бисера.

Едва-едва шевеля губами, она прошептала заклинание, пробуждая духа, прячущегося в украшении. Это был старый дряхлый демон, веками живший в их клане. Он был настолько древним, слабым и бесполезным, что все от него отказались. И только Корделия, питающая слабость ко всему увядающему и умирающему, пожалела старичка и решила оставить себе.

Бедолагу шпыняли и пинали от ведьмы к ведьме, поэтому она поселила его в украшении – еще одной своей слабости.

Большую часть времени демон спал. Но если кто-то покушался на комнаты Корделии, тут же просыпался и с шипением и прытью, которую не ожидаешь от такой древности, бросался на защиту.

А потом снова засыпал. Как ни пыталась, Корделия не могла его расшевелить.

Иногда, правда, демон чувствовал, что ей нужна помощь, как сегодня со старшей госпожой. Тогда ее украшения начинали извиваться, ползать и тихонько посмеиваться, наводя ужас на глупых смертных людишек.

Корделия надеялась, что демон-старичок поможет ей и сейчас.

Если, конечно же, проснется.

Удивительно, но он услышал ее заклинание. Блестящее тельце пришло в движение и обвилось вокруг ее запястья браслетом.

Стуча зубами и дрожа так, что с трудом стояла на ногах, Корделия попросила:

– Я заблудилась... Выведи нас отсюда...

Какое-то мгновение демон молчал, а затем сквозь шум ветра и злобный скрип деревьев прорвался его скрежещущий голос:

– Даже я не найду дорогу в такой темноте...

Корделия прохрипела:

– Тебе придется постараться, мерзкий демон! А иначе мы оба сдохнем тут!..

То ли подействовала ее угроза, то ли демон очнулся от вечной дремы, но, подумав немного, выдал:

– Где-то в этом лесу был дом твоей пра-пра-пра-прабабки... Один из глав клана... как бишь его... Анг... Агн... В общем, не важно... Так вот... Один из глав клана построил его для нее... Она была его любовницей... – Демон снова поскрежетал, видимо, смеясь.

Корделия оперлась о ствол какого-то дерева, безуспешно пытаясь спрятаться под его ветвями от дождя, который становился все злее.

– Д-да п-плевать, к-кто к-кому к-кем б-был! К-как й-его н-найти?

Послышался странный звук, как будто беззубый старик шлепал губами. Корделия поморщилась. Даже дождь оказался бессилен против старости.

– Кажется, юная вертихвостка заколдовала дорогу к нему... А, подожди! Сейчас... сейчас я вспомню!..

Он начал что-то бормотать на языке заклинаний, но как ни старалась, Корделия не могла разобрать ни звука. Какая-то бессмысленная тарабарщина от которой почему-то становилось неуютно и страшно.

– Да-да-да... Точно... Именно так... – Демон продолжал скрежетать, прерываясь на бесполезные комментарии. – Ну вот... Теперь готово... Чуть-чуть подожди...

Неожиданно кто-то ударил Корделию в плечо. Она вскрикнула, вздрогнула и упала в грязь. Рядом с ней приземлилось что-то темно-зеленое и слабо светящееся в темноте.

Жаба! Ядовитая жаба с огромными бородавками и злобными зелеными глазками.

Надув пузырь, жаба раззявила рот из которого вывалился красно-белый гриб. От вони, которую он распространял, Корделию затошнило.

Жаба вполне разборчиво проквкала:

– Бендигейдвран сказал, что тебе нужна помощь! Бери гриб! – Жаба нырнула в болотце и исчезла.

Корделия с сомнением посмотрела на гриб:

– Бенди... ч-что?

Недовольное сопение демона немного согрело кожу на запястье.

– П-постой... это что, твое имя?!

Сопение стало еще громче. Смешок прорвался сквозь боль от холода.

– Бери гриб и жуй.

Корделия скривилась:

– С-с ум-ма с-сошел? Хочешь, чтобы я прямо тут умерла? В грязи под деревом?!

Демон рявкнул:

– Жуй гриб, если выбраться хочешь!

– Ты же понимаешь, что галлюцинации мне не помогут!

– Жуй, или я в тебя его запихну!

У нее больше не хватало сил сопротивляться. Корделия запихнула в рот грязный гриб и, кое-как прожевав, глотнула, стараясь не думать, где именно внутри жабы он побывал.

Кашляя, Корделия пыталась поймать губами дождь, чтобы избавиться от горько-сладкого приторного вкуса. Как будто бумагу прожевала.

Вдруг по поднятому к небу лицу потекло что-то теплое. Корделия коснулась щек. Металлический запах ударил в нос. На пальцах, почти не видных в темноте, алела кровь. Она будто горела.

Корделия нервно потерла щеку. Кровавые слезы! Из ее глаз текли кровавые слезы!

– Хватит любоваться!.. – Противный скрежет вырвал ее из тощих рук ужаса. – В тебе ее кровь, а значит, ты увидишь дорогу. Иди по ней.

Корделия огляделась. Грибы на тонких белых ножках с алыми шляпками облюбовали деревья, ютились на пнях и под кустарниками, они даже умудрились взгромоздиться на узловатые ветки.

В темноте лесной чащи, под завесой из дождя, Корделия все равно отчетливо их видела. Со шляпок текли ручейки крови, которая выделялась ярко-красным в окружающей тьме. Эти ручейки будто горели.

Спотыкаясь и оскальзываясь, Корделия пошла вперед, следуя за истекающими кровью грибами.

Даже для нее это колдовство казалось жутким.

Станный способ указать любовнику дорогу. Скорее можно было напугать врага. Вслепую шаря руками по деревьям и чувствуя, как они пытаются уцепиться за нее костлявыми скрюченными ветвями, Корделия шла извилистой петляющей тропой.

Кажется, она брела так вечность. Может, она умерла, и теперь пытается найти дорогу в иноземье?

Из темноты вынырнул монстр.

Корделия споткнулась и упала на колени.

Дом... Это был дом... Настолько старый, что стал частью леса. Весь обросший мхом, лишайником и грибами. Рядом росли две тыквы – белая и голубая. Они походили на огромные бородавки. Две трубы, чудом сохранившиеся, торчали, как рога. Разбитые стекла превратились в острые зубы прожорливой пасти.

Дом казался достаточно большим, чтобы возвышаться над случайным путником уродливым чудовищем. И в то же время разрушался прямо на глазах. Упала доска покосившегося забора. Что-то скрипнуло. Ветер врезался в стекла, вырывая несколько зубьев-осколков. Не выдержав этой жестокой пытки, дом застонал.

Корделия обхватила себя за плечи. Звук был таким, будто призрак завывал. А любой ведьме, даже самой маленькой известно, что призраков стоит опасаться.

И все же, такое укрытие лучше, чем ожидание Смерти в лесу.

С трудом Корделия поднялась на ноги и поковыляла к провалившимся сгнившим ступеням.

– Мы нашли его... – Восхищенный шепот демона напугал Корделию до смерти. Каким-то невероятным усилием она устояла на ногах и не врезалась носом в ступеньки.

Взявшись за кольцо чудом державшейся на петлях двери, Корделия тихонько постучала. Все же, это дом бывшей ведьмы. А к жилищам черных колдуний стоит относиться с уважением.

Ржавый замок щелкнул. Заскрипел невидимый засов.

По коже пробежала волна страха. Ведьминские дома всегда полны ловушек. Дома умерших ведьм – все равно, что вырытая могила, поджидающая в темноте какого-нибудь глупца.

Из последних сил Корделия потянула ледяное шершавое кольцо. Изнутри вырвалось черное облако пыли и древней ворожбы. Корделия закашлялась и зажмурилась.

На запястье шевельнулся демон и раздалось его недовольное ворчание:

– Эта-то настоящей черной ведьмой была. Смертушка до сих пор тут бродит... Ух, лютая колдунья... Ты поосторожнее тут...

Корделия чихнула и вошла в мрачное нутро дома.

– Ты с-сам м-меня с-сюда п-привел...

Демон посопел, а потом пробурчал:

– Ты же не хотела умирать в грязи...

Корделия с трудом хмыкнула:

– Я вообще умирать не хочу!

– Да кто ж хочет-то?! – Демон помолчал, а потом тихонько проскрежетал: – Тут до сих пор живет черное колдовство... Настоящее... И очень древнее... Просто будь осторожна...

Корделия тяжело вздохнула и сделала пару крошечных шажков:

– Хорошо... Буду...

Конечно, она знала про древнее колдовство. Это была совсем не та ерунда, которой сейчас занимаются черные ведьмы, чиня пакости людям и друг другу. Раньше ведьмы ели людей, приносили их в жертвы и говорили на старом языке. Они призывали демонов и могли заставить призраков служить им. Ради забавы они уничтожали целые деревни и даже города, заставляя любящих прежде родственников резать друг друга на части.

Они насылали на людей такие страшные проклятия, что даже говорить о них считалось дурной приметой.

Они могли заточить ураган в бутылке, дождь – в самой обычной склянке, а в плошке намешать чуму.

Древняя черная магия обладала собственной волей и не щадила даже самих ведьм.

Но Корделии было все равно. Она была совершенно измучена. Покрытая грязью, продрогшая до костей. Оледеневшее от дождя и ветра тело болело так, словно изнутри ее протыкали острыми иглами.

Слепо шаря в темноте, Корделия продвигалась вперед, пока не споткнулась обо что-то. Ноги запутались в тяжелом подоле. Ступни выскользнули из хлюпающих ботинок, и Корделия полетела на пол.

Боль прошибла все тело. Но сил подняться уже не было. Свернувшись калачиком прямо на полу, она закрыла глаза.

*

Корделия очнулась в странном месте. Она сидела на клочке суши. Повсюду, куда дотягивался взгляд, разливалось серо-черное болото. Кое-где его разрывали клочки земли с растущими на них дохлыми кустиками каких-то странных растений. В воздухе дрожало дырявое полотно тумана. Редкие черные деревья с влажной корой казались людьми, задравшими вверх руки и склонившимися над своей жертвой, чтобы напугать ее.

У всех них было по три дупла. Два – сверху, а третье – внизу. Поэтому казалось, что у деревьев есть лица.

Возле одного из таких и сидела Корделия, опираясь о него спиной.

Она медленно осторожно встала и осмотрелась. Это не сон. Как она здесь оказалась? И как отсюда теперь выбраться?

За спиной послышалось тихое шипение. Корделия оглянулась.

Из дерева, около которого она пришла в себя, выползала черная блестящая змея, с торчащими во все стороны чешуйками.

Это древний демон! В одной из старых запретных бабкиных книг она видела его изображение.

Змей медленно полз по дереву и там, где его тулово касалось коры, вспыхивали крошечные язычки пламени.

Корделия попятилась, угодив ногой в черную болотную воду.

Демон потянулся к ней, выпустив изо рта алый раздвоенный язык, который тоже пылал.

Со всех сторон раздалось тихое шипение:

– Ты наследница Ронвен...

Корделия помотала головой. Она не собиралась разговаривать с демоном. Змей спустился на землю и пополз к ней.

– Мое колдовство привело тебя сюда... Твой клан пообещал мне тебя в обмен на власть и силу...

Корделия снова помотала головой. Ступня не нащупала дно, и Корделия провалилась по щиколотку в холодную жижу.

– Ты должна служить мне... Отсюда в твой мир сбежал демон, которому нельзя там быть... Ведьмы и человек помогли ему... Найди его и останови, иначе твой мир сгорит в огне и утонет в крови... Я оставил тебе два подарка... Один найдешь в очаге, а другой будет носить мою маску...

Змей вдруг взвился в воздух и бросился к Корделии. Колючее холодное тело обвилось вокруг ее запястья, а острые зубы вонзились в местечко над ладонью.

Корделия вскрикнула от боли, пытаясь стряхнуть демона с себя. Но тварь вцепилась в нее мертвой хваткой.

Неожиданно чьи-то ладони сжали ее плечи и выдернули из холода болота, змеиного плена и ужаса этого мира.

Глава 5. Незнакомец в подарок

Корделия распахнула глаза и вдохнула пропахший сквозняком и пылью воздух.

Она парила над землей, а перед ней дрожало лицо уродливого демона.

Корделия вскрикнула и попыталась отпрыгнуть. Но что-то с силой держало ее за плечи.

Демон? Еще один демон? Против демонов даже ведьмы бессильны. У нее вообще нет никакой защиты с собой!

– Вы пришли в себя?

Красивый мужской голос исходил от демона, но его рот не двигался, напоминая о сне, который она только что видела. Или все же это был не сон?

Мысли так бешено заметались в голове, что заболели виски, и застучало в затылке.

– Вы слышите меня?

Корделия неосознанно кивнула, хотя дала себе обещание не общаться с демонами.

Теплые пальцы накрыли ее лоб. Это была мужская рука. Широкая красивая ладонь.

И только сейчас она поняла. Это маска! Маска из бумажного папье-маше. Грубая и примитивная, но от этого выглядящая жутко и пугающе. Неровная поверхность неравномерно выкрашена голубой краской. Прорези для глаз вырезаны неаккуратно и криво. Из тонкой-тонкой щелочки рта свешивался алый тканевый язык, который напоминал язычок пламени.

Демон сказал, что оставил ей подарок, который будет носить ее маску. Это он! Посланник монстра?!

Корделия попыталась вырваться из его хватки. Наконец, он убрал руки от ее плеч. Но от этого она потеряла опору и упала на пол, больно ударившись затылком.

– Осторожнее! – Он подложил ладонь ей под голову, снова нависая своей широкоплечей, но изящной фигурой.

Корделия рассмотрела черные-черные волосы, собранные в высокий хвост на макушке. Пряди челки свешивались волной, скрывая левую часть его лица.

Корделия сглотнула вязкую слюну, с опаской глядя на него.

Откуда он тут взялся? Он действительно прислан демоном? Или просто заблудился в лесу? Ну да, как же! Как бы его сюда занесло? И эта маска...

Корделия заставила себя приподняться, подавляя сопротивление измученного тела.

– Кто ты?

Он немного отодвинулся от нее, позволяя рассмотреть себя.

– Вряд ли мое имя что-то тебе скажет. – В его голосе послышалась ухмылка.

Самодовольный тип! Только сейчас Корделия поняла, что он умудрился зажечь старый фонарь, свет от которого окутывал его фигуру странным сиянием.

Корделия прищурилась. Он был одет просто, можно сказать даже скромно. Но Корделия могла отличить качество дорогой ткани, искусную вышивку и пушистый густой мех.

Темно-синяя верхняя рубашка на запах, была покрыта едва различимым шитьем в виде гор и облаков. Очень тонкая и умелая работа. Одна эта вышивка стоила целое состояние.

Из-под коротких широких рукавов верхней рубашки выглядывали рукава нижней – ткань была тоньше и мягче. От запястья до локтя его руки обхватывали черные кожаные наручи с узорчатой выделкой. А длинная накидка без рукавов и вовсе была парчовой. Один отрез парчи стоил столько же, сколько ее лавка!

Про мех на воротнике накидки и думать не стоило. Наверняка на деньги, которые были за него отданы, можно было безбедно жить год.

Итак, он был о-о-очень богатым. И странным. Из-за маски. И из-за того, что смог найти дом ее пра-пра-и-еще-сколько-то-раз-прабабки.

Пошатываясь, Корделия встала. Незнакомец тоже поднялся.

Она огляделась, ища, чем можно было бы защититься. Незнакомец, кажется, продолжал смотреть на нее – под маской невозможно было понять, куда устремлен его взгляд.

Корделия не хотела показывать своего страха, но жизнь была важнее гордости, поэтому она немного отодвинулась от его высоченной фигуры.

Корделия посмотрела на свое запястье. Змей из бисера красиво оплетал руку плотным обручем и тускло поблескивал.

Фух, хорошо, что демон все еще здесь. Вряд ли он как-то ей поможет. Но с ним она чувствовала себя увереннее.

Незнакомец холодно спросил:

– Думаешь, я пытался украсть эту дешевку, пока ты бредила?

Корделия закатила глаза. Ей ли не знать, как хорошо мужчины умеют притворяться.

Она скривила губы в ухмылке и просюсюкала:

– Неужели ты обиделся? Хоть не плачешь? Пожалуйста, не надо! Я всего лишь черная ведьма. Которая не верит странному типу, расхаживающему в маске. Ночью. В лесу. Вошедшему в дом ведьмы.

Он ничего не ответил. Только молча взял какое-то пыльное темно-серое покрывало и протянул ей.

Корделия нахмурилась, не понимая, что ему надо от нее.

Он приблизился и почти сунул ей его в руки:

– Укройся. Ты вся промокла.

Корделия ощутила странный аромат, коснувшийся ее щеки, волос и губ.

Пахло... лавандой... Ее любимый аромат смешался с запахом дождя, мужской одежды и самого мужчины. Это оказалась убийственная смесь для ее истощенного тела.

В животе и в груди стало тепло-тепло. Ощущение покоя, уюта и того, что правильно так, как происходит именно сейчас, окутало легким теплым одеялом.

Кем бы ни был этот незнакомец, Корделия поняла, что рядом с ним чувствует себя спокойно и... под надежной-надежной защитой.

Даже его маска казалась... необычной и, по-своему, чарующей.

Корделия, не скрываясь, оценивающе посмотрела на него. Он был гораздо выше Нейде. Возможно, не так мощен, но его плечи почему-то казались до невозможности широкими, а фигура изящной и грациозной. Раньше ей и в голову бы не пришло оценивать мужчину по таким качествам, но пояс несколько раз туго охватывающий его талию, подчеркивал ее тонкость и одновременно силу.

Корделия вздохнула от внезапно разлившейся по телу тоски. Она не знала, что ее гнетет и почему на сердце вдруг стало так тяжело. Просто внезапно захотелось плакать.

Ну и что это с ней происходит?

Корделия разозлилась на саму себя.

Она черная ведьма, в конце концов, или нет?!

Сердито сопя, Корделия открепила от волос украшения и развязала тесемки плаща, небрежно бросив его на пол.

Руки, все еще прошитые холодными дождевыми нитями, дрожали, а пальцы не слушались, когда она распускала ленты, стягивающие свободный лиф.

Потребовалось совсем немного распутать, чтобы спустить платье с плеч. С тихим шелестом оно упало на пол.

Незнакомец вдруг вздрогнул, а потом замер, как каменная статуя.

Несколько мгновений он не двигался.

Но когда Корделия начала снимать нижнюю сорочку, тоже черную и свободную, он тихо хрипло спросил:

– Ты не стесняешься?

Корделия развязала ленточку на груди, пожала плечами и самодовольно заявила:

– У меня красивое тело. Чего тут стесняться? – Главное – убедить в этом себя.

Она взялась за вторую ленту, под грудью, когда незнакомец прохрипел:

– Я же мужчина...

Со второй лентой было покончено, и Корделия потянула за концы третьей – на животе.

– Ну хочешь, ты перестанешь быть мужчиной? Могу превратить тебя... в жабу! – Она позволила мягкой ткани упасть и переступила через горку своей холодной мокрой одежды: – Хотя... у них ведь есть самцы. Будешь самцом жабы! Так тебя устроит? – Корделия развязала подвязки и стянула сначала один чулок, а потом другой.

Взяла покрывало, которое он недавно нашел, и закуталась в него. Пропахшее пылью, оно оказалось неожиданно мягким.

Незнакомец все еще смотрел на нее. По крайней мере, Корделии казалось, что он смотрит. Но куда на самом деле был направлен его взгляд, понять было почти невозможно.

Неожиданно он резко отвернулся и принялся выдвигать и задвигать десятки крошечных ящичков в серо-голубом шкафу, занимающем всю стену.

Корделия смотрела на этого странного человека, пытаясь решить, насколько он опасен для нее. Может, не стоило раздеваться перед тем, кто мог оказаться убийцей или кем еще похуже. И уж точно не стоило снимать все перед тем, кто носил маску демона и отказывался ее снять.

Он вытащил из ящичка сухой пучок трав с голубыми и красными цветочками, перевязанный черной нитью. Поддержав его в руках, незнакомец бросил его обратно.

Корделия подошла, и он вздрогнул, повернув демоническое лицо к ней.

Она вытащила пучок и наклонила голову, рассматривая серо-зеленые стебли.

– Вот, для чего это нужно. – Она прошептала старое заклинание и подула на пучок, который вспыхнул ало-голубым пламенем, таким же, как мелкие цветки.

В доме ведьмы стало светлее. Теперь Корделия могла разглядеть несколько круглых окон. Сохранившиеся стекла в них оказались цветными витражами. Прямо в каменной стене, напротив той, что со шкафом, был выложен полукруглый очаг. Еще в ней было множество небольших ниш, заставленных плоскими свечами, склянками и всевозможными ингредиентами для зелий и отваров.

Корделия подошла ближе, подняв над головой пучок горячей травы. Она разглядела связки птичьих перьев и птичьи лапки, клочки меха разных животных и маленькие камни разных форм, ракушки, банку с розовым песком и высохшую, но не истлевшую лягушку. Грибы, названия которых она даже не знала, палки с вырезанными на них символами, свежий мох, собранный будто вчера, и куски древесной коры.

Еще тут был массивная печь – почти такая же, как у бабки.

Корделия отодвинула задвижку, открыла тяжелую скрипучую дверцу и заглянула внутрь. Снаружи печь была крошечной, но внутри...

Корделия обернулась и посмотрела на незнакомца.

Все это время он следил за ней.

На ее молчаливый взгляд он насмешливо произнес:

– Это называется «печь». Люди используют их, чтобы готовить еду.

Остряк, значит.

Корделия улыбнулась и кивнула:

– Спасибо, я знаю. У моей бабки была такая же. – Корделия присела на корточки и указала пальцем внутрь: – Видишь, снаружи хватит места только для одного котелка. Но внутри она огро-о-омная... У бабули была меньше. В ней она жарила детей, которых заманивала в лес. В эту же поместится взрослый мужчина... – Ее улыбка стала чуть шире.

Незнакомец как-то слишком спокойно спросил:

– Думаешь меня съесть?

Корделия швырнула горящий пучок внутрь. В печи до сих пор лежали дрова. Будто кто-то ждал их прихода. Поленья тут же вспыхнули ярким пламенем. Корделия захлопнула дверцу и закрыла засов. Из печи дохнуло жаром и красно-черным дымом.

Неторопливо она подошла к незнакомцу и приподнялась на цыпочки, заглядывая в его лицо, скрытое ликом демона.

– Думаю, с чего мне начать... Целиком ты не поместишься... Придется повозиться. Но мужские сердца такие вкусные...

Она резко подняла руку, собираясь сорвать с его лица проклятую маску, но мужчина обхватил ее запястье неожиданно горячей ладонью.

Корделия попыталась выдернуть руку, но он потянул ее на себя, вынуждая поднять руку вверх. Обвив ее рукой свою шею, он заставил ее обхватить его плечи, и одним мощным плавным движением поднял Корделию на руки.

Помимо воли она сжала его плечи. Лишь несколько раз она оказывалась так высоко. С полетами у нее не сложилось, каждый раз приходилось больно падать. А Нейде и в голову не приходило взять ее на руки.

Сейчас она будто парила верхом на ураганной туче.

Незнакомец отнес ее к узкой кровати наполовину вставленной в еще одну длинную нишу. Сверху спускалась тонкая сероватая ткань, на которой кто-то умудрился вышить коварно ухмыляющийся полумесяц.

Незнакомец отдернул ткань в сторону, оперся коленом и уложил Корделию на кровать. Она неуклюже плюхнулась на тонкий матрас. Что он надумал?!

Незнакомец снял свой плащ, почему-то совершенно сухой, и закутал в него Корделию в него. Она ощутила себя ребенком под нежной заботой взрослого. Лица коснулся мягкий мех. Мужской запах и тепло туманом повисли вокруг.

Кажется, дурные мысли были только у нее.

Перешагнув через нее, он улегся позади, и обвил рукой ее талию.

Корделия шумно выдохнула, но ничего не сказала, не зная сопротивляться или же подчиниться такому обращению.

Он потянул ее назад, прижимая к каменно-твердому телу. Такое вообще возможно? Если бы не тепло, исходящее от него, будто это в нем, а не в печи, горело пламя, Корделия подумала бы, что это и не человек вовсе. Как такое вообще возможно? В нем вообще не было ничего мягкого.

Под голову нырнула другая его рука. Теперь у нее были и подушка, и одеяло. Не хватало только сказки.

Подумав, Корделия решила не сопротивляться. Если он решит ее убить, то убьет в любом случае. Она всего лишь измученная стихией кулинарная ведьма.

Одно она знала точно: его объятия намного приятнее, чем у Нейдена. С ним вообще лучше. Даже просто лежать.

Корделия почувствовала, как закрываются глаза, а в голове начинает приятно шуметь море.

Она беспринципная черная ведьма! Но даже она не будет спать с тем, кого видит впервые в жизни.

Вот только... руки у него такие крепкие, а ощущать их давление невероятно приятно. И пахнет он так, как ей нравится – лавандой. А еще своим притягательным мужским запахом. И его грудь, прижимающаяся к ее спине – широкая, надежная и твердая.

С ним намного-намного лучше, чем без него.

– Скорее всего, ты какой-нибудь уродец, раз скрываешь лицо под маской.

Согревая ее шею дыханием, он чуточку насмешливо и удивленно спросил:

– Разве только уродцы носят маски?

Корделия высунула руку из-под покрывала и его плаща и указательным пальцем коснулась рожка полумесяца, вышитого на тонком пологе:

– Я просто пытаюсь заставить тебя снять ее.

Он убрал руку с ее талии и обхватил широкой ладонью ее ладонь.

– Хочешь видеть мое лицо?

Она задумалась, а потом пожала плечами:

– Нет.

Глава 6. Обещание предков

Слава богам и демонам, она была жива.

Когда увидел ее на полу, тяжело дышащей и бессмысленно мотающей головой, Хэвейд ощутил страх, какого не испытывал уже давно. Он винил себя в том, что ей пришлось в одиночестве бродить по полному опасностей лесу.

И как Хэвейд ни пытался убедить себя в том, что они друг другу чужие, ничего не должны, и ему следует держаться от нее подальше, все равно что-то темное и невидимое тянуло его к ней.

Среди проклятых фейри, чья кровь в нем текла, издревле существовало странное поверье. Они верили, что губы людей, сведенных самой судьбой, соединены нитью, которую невозможно разорвать. Она бордовая и прочная, и тянется изо рта в рот того, с кем ты теперь неразрывно связан.

Когда Корделия уходила из поместья, Хэвейду показалось, что она вынула из его нутра эту самую нить и потянула за собой.

Он собирался последовать за ведьмой, чтобы узнать, что она задумала.

Корделия совершенно точно хотела попасть в его дом. А иначе зачем было кормить его булочкой с приворотным отваром? Зачем было соглашаться приехать? Ей нужно было проникнуть в поместье. Но почему тогда она ушла? Да еще в такую грозу, не взяв повозку и не попросив слуг, сопровождать ее.

Он никогда не бегал ни за одной женщиной и не поддавался на их очевидные провокации. Но в этот раз не собирался отпускать ведьму.

Ему помешали мать, Гуайре и так некстати явившийся королевский посланник.

Он не мог рисковать всем, что имел из-за хитрой колдуньи. Пришлось отпустить ее. Несколько часов он изображал из себя немощного сына и верноподданного, а затем, когда наконец все разошлись, к нему явился демон.

Выскользнув из поместья, Хэвейд отправился на поиски единственной ведьмы, способной достать тысячелетий гримуар.

Хэвейду нужно было опередить ветер и ведьм, облюбовавших лес вокруг поместья.

Он последовал по пути, указанному демоном, и нашел дом, сокрытый древним колдовством – окно между мирами. Все это время мысли о Корделии его не отпускали. Хэвейд ощущал, как натягивается нить, соединяющая их губы.

Когда он увидел лежащую на полу ведьму, его одновременно отпустило и бросило в холод страха.

Он нашел ее. Именно ее. На нее указал древний демон.

В тот момент он еще не осознавал, что это значило.

Главным было спасти ее.

Корделия лежала на полу и бредила. Она все время мотала головой, как будто пыталась от чего-то отказаться.

Как только Хэвейд коснулся ладонями ее плеч, дом заволокло туманом. Он словно находился в двух местах одновременно.

Одна из стен исчезла, открывая вид на болота с кривыми влажными деревьями, с которых свисал черно-серый мох.

Корделия пребывала в ином мире и утягивала его за собой. Лощина теней – обитель демонов и призраков. Лишь самые могущественные ведьмы – родоначальницы кланов и главы ковенных могли проникать сюда. Хэвейд не знал, есть ли среди живых ведьм те, которым хватило бы мощи войти в Лощину теней.

Но Корделии удалось. Более того, она еще и вела его за собой.

Если бы Корделия была настолько могущественна, он, как глава Тайной Управы, знал бы о ней. А значит, она оказалась здесь не по своей воле. И это было очень-очень плохо.

Призвав на помощь силу своей крови, Хэвейд вырвал Корделию из Лощины теней. Кирпичная кладка стены тут же сама собой вернулась на место, и ведьма почти сразу пришла в себя, заставив Хэвейда ощутить такое облегчение, какого он не испытывал уже очень давно.

Но волновался он зря. Корделия либо не придавала значения происшедшему, либо это случилось с ней не впервые – она совсем не выглядела напуганной и растерянной.

В ней не было даже капли смущения.

Как ни в чем ни бывало, она начала раздеваться и угрожать его съесть.

И Хэвейд был совсем не против стать ведьминским лакомством.

Еще ни разу в жизни он не оказывался так близко к женщине. У него никогда и не возникало такого желания. Сейчас же он молился про себя всем известным богам и демонам, чтобы она не прогнала его или не прокляла. Боясь дышать, Хэвейд старался прижаться к ней ближе, чтобы между ними не осталось свободного пространства. Чтобы даже вздох не смог проскользнуть между ними.

Ее пальцы покоились в его ладони так, словно им там самое место. Будто целую вечность назад они уже лежали вот так вместе. Все ощущалось так привычно, что становилось даже удивительно, – как столь долгие годы он обходился без этого?

Хэвейд терпеливо ждал, пока сон ведьмы не станет настолько крепким, чтобы она не проснулась от его движений.

Корделия засопела и начала ворочаться. Тихонько всхлипнув и пробормотав что-то невнятное, она перевернулась на спину и забавно надула губы.

Ее черно-голубые волосы с серебристыми прядями, похожими на туман и паутину, рассыпались по его руке, а метка кулинарной ведьмы – язычки пламени – мерцала, украшенная крошечными блестками.

Хэвейд провел пальцем по отметине – на коже остался блестящий розовато-желтый цвет косметики. Он потрогал ее волосы, а потом, осмелев, собрал пряди вместе и потер их между пальцев. Они были все еще влажными и прохладными, но гладкими и невозможно приятными на ощупь.

Хэвейд знал, что черные ведьмы презирали бытовых. В его клане вообще предпочитали не иметь дело с колдовством, поэтому все делали слуги. Но сейчас он понимал семьи, которые шли на все, чтобы завладеть бытовой колдуньей.

Ему тоже срочно нужна была ведьма. Только совсем не для того, чтобы помогала с хозяйством. И, конечно, не для того, чтобы лечить его. Просто он, как ребенок, одержимый жгучим диким желанием завладеть вожаденной игрушкой, испытывал потребность получить свою игрушку. Далеко не детскую.

Хэвейд упал на жесткую пыльную кровать и на пару мгновений прикрыл глаза. Ведьма пробудила в нем желания, которых вообще не должно существовать.

А еще она была той, кого он должен был защищать – вот и оправдание того, что он не собирался ее отпустить.

Хэвейд посмотрел на осколки цветного стекла в оконце. Снаружи до сих пор властвовали темнота и гроза. Скоро нужно будет уходить, но предстояло выполнить еще одно поручение демона.

Хэвейд прислушивался к тихому глубокому дыханию Корделии. В этом звуке, в ощущении ее поднимающегося и опускающегося живота под его ладонью, было что-то завораживающее.

Свет от огня, пробивающийся сквозь прорези в печной заслонке, будто бы блуждал по дому. Он все время перемещался туда-сюда, высвечивая то один угол, то другой.

Внезапно Хэвейд ощутил присутствие демона. Древнее существо притаилось где-то совсем близко.

Он осторожно высвободил руку из-под головы Корделии, и сел. Ведьма никак не отреагировала на его движение, и Хэвейд был даже рад, что она продолжала притворяться.

За тонким пологом появилось черное облако. Оно собиралось из золы и угольной пыли, из миллионов непроглядно черных песчинок, которые стягивались изо всех углов комнаты, и собирались воедино.

Демон очага...

Эти твари селились там, где в печах или очагах ведьмы приносили в жертву людей и животных. Они питались остатками плоти и страданиями жертв.

Здесь демон был огромным – он заполнил собой почти все пространство комнаты.

Это могло означать лишь одно: здешняя ведьма полакомилась многими живыми существами. В том числе и людьми.

Демон заговорил. Его голос был похож на шипение затухающего огня.

– Насле-е-е-дница Ронве-е-ен... я жда-а-ал тебя-я-я-я...

Ведьма продолжала притворяться, что спит.

Не глядя на нее, Хэвейд тихо приказал:

– Можешь перестать делать вид, что не слышишь.

Она тут же села на кровати и коснулась ладонью его плеча.

Хэвейд с трудом подавил дрожь волнения от ощущения ее руки.

Корделия совершенно спокойным голосом спросила:

– Ты же поступишь, как настоящий мужчина, и пожертвуешь собой, пока я буду убегать?

Хэвейд не смог сдержаться и обернулся. Она серьезно?

Чуть приоткрыв рот, Корделия смотрела на черное облако, другой рукой прижимая к груди его плащ и покрывало. Сейчас у нее был невероятно милый и нежный вид. Серебристо-синие волосы начали высыхать и завивались красивыми кольцами на кончиках. Украшение-змейка диадемой обвивало лоб.

Она была похожа на древнюю княжну фейри – красивую, избалованную и абсолютно ни к чему не приспособленную.

Конечно, он поступит, как мужчина. Куда же ему деваться?

Она вдруг посмотрела на него и скривила чуть припухшие губы.

– И чего я ждала... Вы все одинаковые. Подлые, жалкие и трусливые.

Если бы не демон за пологом, Хэвейд сделал бы все, чтобы узнать, о ком она говорила. Даже использовал бы пытки! Он не тот, кто заставил ее так думать! И хоть его вообще не должно было касаться, что она о нем думает, Хэвейд не желал стоять в ее мыслях на одной ступени с прочими.

Она отодвинула полог в сторону, взметнув облачко пыли, и соскользнула с кровати:

– Что тебе нужно, демон?

Хэвейд последовал за ведьмой. Обвив рукой ее талию, он остановил ее, не давая приблизиться к демону. Она гневно обернулась и бросила на него сердито-презрительный взгляд.

Демон очага прошелестел:

– То, заче-ем тебя привели-и-и сюда-а, спрятано-о-о в мое-е-е-ем очаге-е-е... Забери-и-и дар и сохрани-и-и... С его по-о-мощью сможе-е-ешь стать велича-айшей че-е-ерной ве-е-едьмой... сможе-е-ешь посе-еять стра-а-ах в людских сердца-ах и сделать свой клан вели-и-и-иким...

Корделия сжалась и тряхнула головой, от чего блики пробежали по бисеру украшения, и показалось, что змейка двигается. Только сейчас Хэвейд заметил второе такое же украшение на запястье ведьмы. Оно несколько раз обвивалось вокруг ее тонкой руки. Змеиные глаза смотрели прямо на Хэвейда. И ему этот взгляд был слишком хорошо знаком.

Множество разных мыслей бешеным вихрем пронесли в голове. Но самой отчетливой и громкой была самая бестолковая: теперь у него есть повод и оправдание держать ведьму при себе.

– А если я не хочу? – Голос Корделии слегка дрожал.

Хэвейду очень хотелось обнять ее и успокоить, сказать, что он не позволит демону обидеть ее. Но он заставил себя сдержаться.

– Я такая ленивая...

Демон издал какой-то жутковатый звук, который, видимо, означал смех.

– Твои пре-е-едки пообеща-а-али тебя де-е-емонам... Бу-у-удеешь служить им zde-е-есь, ли-ибо... в Лощине теней... Мы лю-ю-юбим забавля-я-яться с ведьмами...

Хэвейд тихо встал и загородил Корделию собой:

– Она все сделает.

Ведьма обиженно засопела и тоже поднялась.

Демон очага стал еще плотнее. Хэвейд ощущал бархатистый холод золы и незримое прикосновение лепестков пепла, сотворенного из десятков тел.

– В мое-ем очаге храни-и-ится книга твоего ро-о-ода... Ее начала писать пе-е-рвая ведьма Ронве-е-ен... Испо-о-ользуй все-е-е, что в ней прочте-е-ешь, как хо-о-очешь, но ты должна найти того, кого отсту-упницы выпустили из Лощины тене-ей... Останови Бич Двух Миров...

Демон превратился в дымный вихрь и влетел в полукруглый очаг, выложенный в стене. Остатки угольной пыли и золы осыпались на пол.

Вот зачем демону нужна была Корделия... Она могла остановить Бич Двух Миров.

Все, что Хэвейд слышал об этом демоне, – его боялись и мертвые, и живые. И ведьмы, и призраки. И демоны, и фейри. Он жил тысячелетия назад и был почти таким же древним, как мир.

Он развязал войну, желая подчинить себе оба мира. И Лощина теней – обитель демонов, и Явные земли – территория людей, потонули в крови. Никто, не хотел служить ему. Даже демоны не желали подчиняться этому кровавому монстру. И только некоторые из ведьм пошли за ним. С тех пор их зовут отступницами.

Хэвейд слышал, что до сих пор существуют те, кто поклоняется Бичу Двух Миров. Но их было слишком мало и прятались они так отчаянно, что даже его людям не удавалось их отыскать. Впрочем, пока они никому не вредили, Хэвейда они не интересовали.

– Демоны бы побрали это семейство... – Тихонько бурча, Корделия подошла к очагу и, пригнувшись, заглянула в него.

Пошарив там рукой и собрав пучок липких нитей паутины, Корделия встряхнула руку и разочарованно спросила:

– Ну и где она?

Хэвейд подошел почти вплотную к ведьме и вдохнул лавандовый аромат ее волос, который от дождя стал еще сильнее.

– Вряд ли бы ее просто положили в очаг.

Она бросила в его сторону презрительный взгляд:

– И что бы я делала без твоей сообразительности?! Может, ты знаешь, где книга?

Интересно, она бывает хоть когда-нибудь довольна?

Но выяснять это у него уже не было времени.

Сквозь разбитое стекло в дом пробрался бледно-серый едва живой сумрак.

Хэвейд улыбнулся под маской:

– Я уверен, ты самостоятельно это выяснишь.

Ему пора было уходить. Сейчас Корделии уже вряд ли что-то угрожало, а ему нужно было срочно вернуться в поместье, чтобы продолжить изображать немощного юношу.

Корделии наверняка хватит времени во всем тут разобраться. А он, как только окажется в поместье, пошлет за ней Гуайре. Ему же еще нужно выяснить, что задумали отступницы. Теперь Хэвейд не сомневался: сегодняшняя гроза – их рук дело. Призраки, кричащие вместе с дождем, шепот ночных существ, кровожадные звери – ведьмы что-то замыслили, а потому призвали себе на помощь всех отвратительных тварей, каких только могли.

Хэвейд направился к двери, когда почувствовал, как что-то его удерживает.

Он обернулся. Корделия вцепилась в его пояс. На ее милом бледном личике отразилось удивление. Казалось, что язычки пламени у губ слегка дрожат.

Она выглядела невероятно беззащитной, невинной и... сладкой. Как те угощения, которые она готовит.

И не скажешь, что черная ведьма.

– Ты уходишь? Оставляешь меня здесь одну?

Хэвейд снова усмехнулся. Он и не думал, что ему доставит такое удовольствие – наблюдать за ней, за ее эмоциями, за немного детской обидой.

– Ты уже взрослая, чтобы остаться дома одной. – Он отцепил ее прохладную ладонь от пояса, надеясь, что она не заметит, как сильно ему не хочется это делать. – Я верю, что у тебя все-все получится.

Она скривила губы и ухмыльнулась:

– Конечно, получится. Вспомни про меня, когда тебя сразит поносная хворь.

Хэвейд едва не расхохотался. Дейре и тот вел себя взрослее.

– Обязательно. Ты навсегда останешься в моем сердце.

Она хмыкнула, глядя на него с тоской и разочарованием и отступила назад.

Хэвейд подавил вздох. Ему не хотелось огорчать ее. И это было очень странное чувство. Ведь он ей совершенно ничего не должен. Он видит ее всего-то третий раз в жизни!

«Но... – Успокоил он себя. – Совсем скоро мы увидимся снова. Не грусти.»

Когда он дошел до двери, послышался шорох ткани. Ведьма запустила в него чем-то!

Хэвейд обернулся и легко поймал собственный плащ, летящий вообще в другую сторону.

– Это твое! – Гнев делал Корделию невероятно хорошенькой. Хэвейд понял, что желает испытать на себе все ее эмоции. Почему она его не проклиняет?

Наверное, он сошел с ума.

Он пристроил плащ на полусгнившем подоконнике и снова улыбнулся:

– Сохрани его в память о нашей встрече. Не хочу, чтобы ты обо мне забывала.

Он вышел, не позволяя себе взглянуть на нее и даже дышать одним с ней воздухом. Тем более, он был отравлен ее лавандовым колдовством.

Глава 7. Гримуар-двойник и снова мерзкий гриб

Он ушел! Ушел! Ушел!

Козел!

Корделия зарычала и шумно выдохнула. Ну и катись!

Какое ей вообще до него дело?! Явился какой-то странный тип в маске, улегся рядом с ней, прижимался, трогал ее волосы, а потом смылся. Демона испугался? Трусливый хмырь!

И вообще, скорее всего, он просто жалкий уродец. Даром, что тело, как у воина. На лицо, наверняка, страшенный. Язвами, бородавками и нарывами покрыт. И зубы у него кривые, желтые и гнилые. А волосенки жидкие.

Нет, с волосами у него как раз все нормально – густой черный хвост на макушке чем-то напоминал змея, который едва ее не сожрал в Лощине теней.

– Хватит страдать по нему... еще свидитесь.

Корделия едва не подпрыгнула от страха. Сердце бешено заколотилось в груди.

Но поняв, что это демон-старичок, она немного успокоилась.

– Ох... ты напугал меня, – подумав, Корделия коварно улыбнулась и нараспев произнесла: – Бендигейдвран.

Змей из бисера аж весь взвился от недовольства и зашипел.

– Язык прикуси! Пока ты с ним обжималась в кровати, я работал.

Корделия потрясла рукой:

– Ну и над чем же ты работал?

Змей распутал свои кольца из бисера и невероятным прыжком перелетел прямо в каменный очаг:

– Выяснял, как тебе достать книгу прародительницы.

Корделия закатила глаза и выше подтянула покрывало. В плаще было теплее. Она бросила тоскливый взгляд на ворох дорогой ткани, валяющийся у стены. Нет! Ни за что! Даже смотреть не будет! От растоптанной Нейде гордости еще осталась пара крупниц. С другой стороны... она беспринципная черная ведьма и должна думать прежде всего о своем комфорте. Поэтому...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.